ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Н. Д. Чечулинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 10.
1894.

ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕЯ РУСИ.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Н. Д. Чечулинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1894.

(Статья изъ «Біографическаго Словаря русскихъ дѣятелей», издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ).

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го мая 1894 г.

ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЪ,

великій князь всея Руси.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Н. Д. Чечулинъ.

Дѣтство, юность и начало княженія.— Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь всея Руси, называемый такъ же иногда Грознымъ и Великимъ, старшій сынъ вел. кн. Василія Василіевича Темнаго и супруги его, Маріи Ярославны, внучки кн. Владиміра Андреевича Храбраго, род. 22 января 1440 г., въ день памяти апостола Тимофея, отчего и назывался по старинному обычаю Іоанномъ - Тимофеемъ, умеръ 27 октября 1505 г. Въ лѣтописи занесенъ разсказъ о чудесномъ предсказаніи, въ моментъ его рожденія, его величія и могущества. О его дѣтскихъ и отроческихъ лѣтахъ мы знаемъ, конечно, только отдѣльные факты. Въ 1446 г. онъ былъ вмѣстѣ съ матерью, когда она встрѣчала въ Переяславлѣ вел. кн. Василія Васильевича, возвращавшагося изъ казанскаго плѣна; вмѣстѣ съ отцомъ онъ былъ на богомольи въ Троице-Сергіевой лаврѣ, когда 13 февраля того же 1446 г. вел. кн. Василій Васильевичъ былъ схваченъ княземъ Иваномъ Можайскимъ; вѣрные слуги спрятали Іоанна и брата его Юрія въ монастырѣ, затѣмъ доставили ихъ ко князю Ряполовскому въ с. Боярово. Ряполовскій укрывалъ ихъ въ укрѣпленномъ Муромѣ и охранялъ тамъ своими людьми. Но вскорѣ явился туда за ними митрополитъ Іона, которому Шемяка далъ клятву оставить дѣтей великаго князя на свободѣ и даже назначить имъ удѣлъ. Ряполовскій, отчасти полагаясь на клятву Шемяки, данную всѣми чтимому святителю, отчасти опасаясь, что въ случаѣ нападенія Шемяки не въ силахъ будетъ отстоять малолѣтнихъ князей, выдалъ ихъ Іонѣ. 6 мая митрополитъ привезъ ихъ въ Переяславль къ Шемякѣ; послѣдній нарушилъ свое слово: встрѣтивъ несчастныхъ дѣтей ласково, онъ 8 мая отправилъ ихъ въ заточеніе къ ихъ ослѣпленному отцу, въ Угличъ. Но общее сочувствіе къ великому князю Василію Васильевичу стало выражаться такъ ясно, что Шемяка принужденъ былъ примириться со своимъ плѣнникомъ и даже дать ему въ удѣлъ Вологду; Василій Васильевичъ почти немедленно вслѣдъ за освобожденіемъ своимъ со всѣмъ семействомъ пошелъ въ Криловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ игуменъ разрѣшилъ его отъ клятвы, данной Шемякѣ, затѣмъ въ

*

Тверь, всюду встрѣчая знаки сочувствія и видя постоянное возрастаніе своихъ силъ. Въ Твери, въ 1447 г., семилѣтній Іоаннъ былъ обрученъ съ пятилѣтней Маріей, дочерью вел. кн. тверскаго Бориса Александровича. Послѣ возстановленія своего на московскомъ столѣ, Василій Васильевичъ, какъ бы желая пріучить народъ видѣть Іоанна правителемъ, старался постоянно держать его на виду: въ 1448 г. онъ былъ въ войскѣ, ходившемъ противъ царя Мамутека, въ 1449 г. былъ съ отцомъ въ походѣ противъ Шемяки; съ 1450 г. уже называется во многихъ грамотахъ великимъ княземъ, рядомъ со своимъ отцомъ. Въ 1451 г. онъ былъ съ отцомъ, когда отецъ его удалился на сѣверъ собирать войска противъ Мазовши. Въ 1452 г., 4 іюля, былъ обвѣнчанъ съ обрученной ему Маріей Борисовной. Въ этомъ же году онъ ходилъ въ войскѣ, посланномъ противъ Шемяки на р. Кокшенгу, въ 1454 г. охранялъ съ братомъ Юріемъ берегъ Оки отъ царевича Салтана, въ 1459 г. защищалъ берегъ Оки отъ царя Седи-Ахмата, въ 1460 г. опять оберегалъ переправу черезъ Оку отъ новаго татарскаго набѣга; 15 февраля 1458 г. у него родился сынъ Іоаннъ (такъ называемый Іоаннъ Іоанновичъ Молодой). 27 марта 1462 г. умеръ великій князь Василій Васильевичъ Темный и Іоаннъ занялъ престолъ московскій. 43-хъ-лѣтнее правленіе Іоанна полно замѣчательными событіями: онъ соединилъ подъ власть великаго князя Московскаго почти всю тогдашнюю восточную Русь — за исключеніемъ лишь Пскова и Рязани, существеннымъ образомъ измѣнилъ отношенія наши къ татарамъ и первый сознательно началъ борьбу съ Польско-литовскимъ государствомъ за земли, населенныя русскимъ православнымъ населеніемъ, которыя, по этому, онъ считалъ принадлежащими Московскому государству; онъ началъ и умѣло поддерживалъ важныя сношенія съ Западной Европой; внутреннее устройство государства занимало его менѣе, но и тутъ важно изданіе имъ Судебника и увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ мѣры по закрѣпленію за Москвой вновь присоединенныхъ областей—Новгорода, Вятки, Твери.

Удѣлы.—При вступленіи Іоанна на престолъ въ Московскомъ княжествѣ были удѣльными князьями лишь его четыре брата: Юрій, Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой, и его двоюродный дядя, Михаилъ Андреевичъ, князь верейскій; самостоятельными еще оставались князья тверскіе, рязанскіе, ярославскіе и ростовскіе. Съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ Іоаннъ въ 1462 г. подтвердилъ договоръ, заключенный съ нимъ еще вел. кн. Василіемъ Темнымъ, но въ 1465 г., новымъ договоромъ ограничилъ его владѣнія и права; въ 1463 г. Іоанну уступили свою вотчину князья ярославскіе и поступили сами къ нему на службу; князья ростовскіе сохранили свою половину Ростова до 1474 года, когда они продали ее великому князю. Мало по малу Іоаннъ наложилъ свою руку на всѣ удѣльныя княжества. Въ 1472 г. умеръ старшій послѣ Іоанна братъ, Юрій, не оставивъ потомства и не сдѣлавъ никакого распоряженія относительно своего удѣла; Іоаннъ взялъ было весь его удѣлъ себѣ, но затѣмъ явное и сильное недовольство всѣхъ остальныхъ братьевъ заставило его уступить имъ по нѣсколько волостей; но и при этомъ Іоаннъ съумѣлъ выговорить у нихъ себѣ нѣкоторыя выгодныя условія. Въ 1480 г. возникло у Іоанна новое столкновеніе съ братьями. Къ Борису волоцкому отъѣхалъ князь Оболенскій-Лыко, приговоренный Іоанномъ уплатить значительную сумму лучанамъ и жителямъ Ржевы за разграбленіе ихъ земли; Іоаннъ, вопреки старинному праву отъѣзда, послалъ своихъ слугъ схватить его въ удѣлѣ Бориса; первая попытка исполнить это приказаніе не удалась и Борисъ заявилъ, что не допуститъ взять Оболенскаго; но тѣмъ не менѣе этотъ послѣдній былъ захваченъ силою. Тогда братья великаго князя, негодовавшіе на него и за удѣлъ Юрія, и за то, что онъ ничего не далъ имъ послѣ присоединенія Новгорода, поднялись противъ него. Они двинулись въ новгородскую область, надѣясь встрѣтить тамъ поддержку. Первая попытка великаго князя уговорить ихъ не имѣла успѣха; только второй посланецъ Вассіанъ, епископъ ростовскій, убѣдилъ ихъ вступить въ соглашеніе съ великимъ княземъ; братья остановились и послали въ Москву для переговоровъ, но одновременно просили помощи и у Казиміра, короля польскаго. Іоаннъ согласился на нѣкоторыя уступки, особенно въ виду того, что въ то же время на Русь двинулись татары; но братья не приняли его предложеній. Когда же Казиміръ отказался имъ помочь и первые татарскіе отряды ушли, они уменьшили свои требо-

ванія, но были отвергнуты уже великимъ княземъ. Однако, съ появленіемъ Ахмата на р. Угрѣ, Іоаннъ снова согласился на уступку братьямъ нѣкоторыхъ волостей и они явились со своими дружинами къ его войску, стоявшему противъ татаръ. Въ 1481 г. взаимныя уступки братьевъ подтверждены были договорами, причемъ Іоаннъ успѣлъ примириться съ братьями на различныхъ условіяхъ, этимъ разъединилъ ихъ и сдѣлалъ еще менѣе опасными для себя. Въ 1481 же году умеръ князь Андрей-Меньшой вологодскій и Іоаннъ получилъ по его завѣщанію весь его удѣлъ, въ уплату за его долгъ великому князю въ 30000 р. Въ 1484 г. умерла вдова Василія Темнаго, великая княгиня Марія Ярославна, въ значительной степени смягчавшая столкновенія своихъ сыновей. Въ 1486 г. Іоаннъ заключилъ съ оставшимися въ живыхъ братьями новые договоры и обязалъ ихъ не сноситься ни съ какими посторонними владѣтелями и отказаться отъ всякихъ притязаній на земли, принадлежащія великому князю. Въ 1491 г. Андрей-Большой и сыновья его Іоаннъ и Дмитрій были захвачены и заточены, за то, что вопреки договорамъ Андрей не послалъ своихъ полковъ съ полками великаго князя, удѣлъ его присоединенъ къ Москвѣ; Андрей и умеръ въ заключеніи въ 1494 г.; вслѣдъ за нимъ умеръ и Борисъ волоцкій; его удѣлъ достался его сыновьямъ Ѳеодору и Іоанну; Іоаннъ Борисовичъ, умирая въ 1503 г., завѣщалъ свою часть великому князю, называя его уже государемъ. Еще ранѣе Іоаннъ присоединилъ и Верейское княжество. Въ 1482 г. верейскій князь завѣщалъ свою вотчину, Бѣлоозеро, по своей смерти, великому князю. Но уже въ 1485 г. Іоаннъ отнялъ у него удѣлъ, разгнѣвавшись, или притворившись разгнѣваннымъ, за то, что Марія, жена сына Михаилова, Василія, племянница Софіи Ѳоминишны, получила отъ послѣдней въ подарокъ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, оставшіяся послѣ смерти первой жены Іоанна. Князь Василій Михайловичъ бѣжалъ въ Литву, а отцу его удѣлъ былъ возвращенъ уже лишь пожизненно и какъ служилому князю. Михаилъ въ томъ же году и умеръ и въ завѣщаніи онъ называетъ Іоанна государемъ; Іоаннъ приглашалъ кн. Василія вернуться изъ Литвы и вступить на службу къ нему, но дѣло это не состоялось.

Тверь. — Тверское княжество было присоединено къ Москвѣ въ 1485 г. Великій князь тверской, Михаилъ Борисовичъ, шуринъ Іоанна, жилъ сначала съ нимъ въ мирѣ, подтвердилъ свою прежнюю договорную грамоту, написанную еще при вел. кн. Василіѣ Васильевичѣ, и помогалъ Іоанну въ обоихъ новгородскихъ походахъ. Но послѣ этого пріобрѣтенія, послѣ сверженія татарскаго ига, послѣ усиленія Іоанна на счетъ братьевъ, тверской князь, очевидно, понялъ, что и его владѣнія въ скоромъ времени будутъ поглощены Москвой. Онъ думалъ отвратить это съ помощью Казиміра польскаго, женился на его внучкѣ и заключилъ съ нимъ договоръ, содержавшій прямыя нарушенія его прежнихъ обязательствъ предъ московскимъ великимъ княземъ. Произошла война, конечно удачная для Іоанна (въ 1485 г.). По новому договору князь тверской сдѣлалъ Іоанну новыя уступки и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже потерялъ свои права, какъ равноправный союзникъ. Іоаннъ сталъ явно тѣснить Тверь: въ пограничныхъ спорахъ если тверичи жаловались на московитянъ, то никогда не могли добиться управы, а при неудовольствіи московитянъ на тверичей—Іоаннъ грозно требовалъ удовлетворенія. И вотъ изъ тверскихъ владѣній множество народу пошло въ московскую область; въ этомъ нельзя не видѣть явной симпатіи русскаго народа къ такъ ясно обозначившемуся въ дѣятельности Іоанна стремленію объединить Русь: вѣдь обыкновенно, безъ такой симпатіи, пограничные споры ведутъ не къ переселенію съ одной стороны на другую, а лишь къ взаимному ожесточенію. Въ такихъ обстоятельствахъ Михаилъ Борисовичъ снова попробовалъ завести сношенія съ Казиміромъ; но посолъ его былъ перехваченъ; не принимая оправданій, Іоаннъ 21 августа 1485 года выступилъ противъ Твери; 8 сентября Тверь была обложена, 10 начались подъ Тверью военныя дѣйствія, 11—явились изъ Твери бояре и били челомъ на службу великаго князя московскаго: въ ночь на 11 сентября князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву. Вся Тверь присягнула Іоанну; онъ принялъ на службу всѣхъ тверскихъ бояръ, особою грамотою утвердилъ за ними ихъ земельную собственность. 15 сентября князь Іоаннъ Іоанновичъ Молодой былъ названъ великимъ княземъ тверскимъ; намѣстникомъ въ Твери

былъ оставленъ бояринъ Василій Өедоровичъ Образецъ-Добринскій. Въ 1492 г. тверскія земли были переписаны помосковски въ сохи.

Изъ всѣхъ тогдашнихъ княжествъ только Рязанское осталось самостоятельнымъ; но Іоаннъ имѣлъ въ Рязани сильное вліяніе: князь рязанскій, Василій Ивановичъ съ 1456 г. воспитывался въ Москвѣ, порученный своимъ отцомъ предъ смертью великому князю Василію Васильевичу; въ 1462 г., когда князю рязанскому исполнилось 14 лѣтъ, Іоаннъ выдалъ за него сестру свою Анну и отпустилъ его въ Рязань. Василій умеръ въ 1483 г., оставивъ двухъ сыновей, Іоанна и Өеодора, между которыми и раздѣлилось Рязанское княжество и которые слушались во всемъ своей матери, Анны, сохранившей близкія связи съ Москвой; въ 1503 г. младшій Өеодоръ умеръ бездѣтнымъ и завѣщалъ свой удѣлъ, приблизительно третью часть рязанской земли, великому князю московскому.

Новгородъ.—Но самымъ важнымъ шагомъ Іоанна въ объединеніи Руси было, конечно, присоединеніе Новгорода. Московскіе князья еще со времени Калиты постоянно боролись съ Новгородомъ, часто имѣли успѣхъ, брали съ богатаго города большія деньги, но никогда не могли окончательно подчинить его своей власти. Подъ конецъ жизни Василія Темнаго отношенія великаго князя московскаго къ Новгороду снова стали натянутыми. Когда вступилъ на престолъ Іоаннъ, новгородскіе правители начали дѣйствовать рѣшительнѣе и враждебнѣе: земли, давно уже уступленныя великимъ князьямъ московскимъ, они стали снова подчинять своему распоряженію, задерживали пошлины, слѣдовавшія Москвѣ, обращались дерзко съ намѣстниками великокняжескими. Іоаннъ молчалъ, частью занятый отношеніями казанскими, частью, вѣроятно, чтобы дать вопросу назрѣть до необходимости окончательнаго рѣшенія; желая, при этомъ, быть совершенно правымъ предъ новгородцами, онъ строго соблюдалъ «старину» въ отношеніяхъ къ нимъ: когда Псковъ въ 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. просилъ особаго епископа, чтобы не быть подчиненнымъ въ церковномъ отношеніи Новгороду, въ Москвѣ на это не согласились. Іоаннъ зналъ, безъ сомнѣнія, отъ своихъ сторонниковъ о существованіи въ Новгородѣ литовской партіи и о ея дѣйствіяхъ, но ограничивался только напоминаніями, что новгородское духовенство не должно имѣть никакого дѣла съ литовскимъ, потому что тамъ митрополитъ уніатъ, ученикъ и ставленникъ Исидора, и что поэтому сношеніе съ нимъ будетъ измѣною православію. Въ 1470 г. въ Москву явился съ обыкновенными земскими дѣлами новгородскій посадникъ Василій Ананьинъ и на представленные ему въ Москвѣ вопросы относительно послѣднихъ новгородскихъ событій отказался дать отвѣтъ, отозвавшись, что не имѣетъ отъ Новгорода порученія говорить объ этихъ дѣлахъ. Іоаннъ отпустилъ его съ выговоромъ и предостереженіемъ новгородцамъ, и самъ послалъ грамоту во Псковъ, приказывая готовиться къ дѣйствіямъ противъ новгородцевъ. Псковичи сообщили объ этомъ въ Новгородъ, предлагая свое посредничество; оно, конечно, было отвергнуто, а самое извѣстіе о приготовленіяхъ великаго князя вызвало въ Новгородѣ еще большее движеніе; псковичи отвѣчали великому князю, что готовы ему помогать. Посольство отъ Пскова пришло въ Новгородъ какъ разъ въ то время (въ ноябрѣ 1470 г.), когда рѣшено было, всетаки, что нареченный въ архіепископы Өеофилъ поѣдетъ ставиться въ Москву и когда, слѣдовательно, еще была надежда на то, что отношенія къ великому князю уладятся мирно; но это извѣстіе вызвало вспышку ненависти къ Москвѣ и литовская партія осилила; къ королю Казиміру было отправлено посольство, которое и заключило съ нимъ договоръ о подчиненіи ему Великаго Новгорода. Увѣщанія Іоанна и митрополита Филиппа остались безъ послѣдствій. Въ маѣ 1471 г. Іоаннъ по совѣту съ братьями, съ митрополитомъ и боярами рѣшилъ двинуться на Новгородъ; было сомнѣніе, не подождать ли зимы, какъ времени, болѣе удобнаго для движенія въ болотистой новгородской землѣ; но рѣшено было выступать немѣдленно и на счастіе Іоанна лѣто случилось такое жаркое и сухое, что войско не встрѣтило никакихъ затрудненій отъ болотъ. Походу былъ приданъ отчасти религіозный характеръ: Іоаннъ, какъ великій князь Дмитрій Іоанновичъ, передъ походомъ противъ Мамая, молился у гробовъ своихъ предковъ и у мощей святыхъ угодниковъ, раздавалъ милостыню; московскій лѣтописецъ почти съ ненавистью говоритъ о новгородцахъ, высказывая мысль, что они

хуже язычниковъ, потому что тѣ искони не знаютъ Бога, а эти знали и отступили отъ истинной вѣры. Іоаннъ 23 мая послалъ въ Новгородъ объявленіе войны, 31 мая отпустилъ отрядъ на Двинскую землю и въ Заволочье, 6 и 13 іюня выступили изъ Москвы отряды, назначенные дѣйствовать противъ самого Новгорода, 20 іюня выступилъ изъ Москвы и самъ великій князь, взявъ съ собою братьевъ Юрія, Бориса и Андрея Меньшого, князя Михаила Андреевича верейскаго и сына его Василія, царевича Даніара и, наконецъ, дьяка Семена Бородатаго, знатока лѣтописей, чтобы обличать новгородцевъ историческими справками; управленіе государствомъ въ Москвѣ было поручено князю Андрею Большому и сыну Іоаннову, Іоанну Молодому. 29 іюня, когда Іоаннъ стоялъ въ Торжкѣ, къ московской рати присоединилась тверская и пришло посольство изъ Пскова объявить, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду; Іоаннъ приказалъ псковичамъ двинуться тоже; 10 іюля великій князь былъ въ Вышнемъ Волочкѣ. Уже 23 іюня князь Холмскій имѣлъ первую и удачную для москвитянъ стычку у Коростыня, на берегу Ильменя, а 14 іюля тотъ же князь Холмскій одержалъ блестящую побѣду при р. Шелони; выставленное Новгородомъ войско было разсѣяно; въ числѣ плѣнныхъ былъ сынъ знаменитой Мареы Борецкой, степенный посадникъ Дмитрій Исаковичъ Борецкій, въ числѣ трофеевъ—подлинный договоръ съ королемъ Казиміромъ; 24 іюня въ Старой Русѣ великій князь приказалъ казнить Борецкаго и трехъ другихъ знатнѣйшихъ плѣнниковъ; 50 менѣе знатныхъ были отправлены въ заточеніе въ Москву и въ Коломну. 27 іюля Іоаннъ расположился станомъ на берегу Ильменя. Сюда вскорѣ явились новгородскіе послы съ покорностью; но только черезъ нѣсколько дней принялъ ихъ великій князь и склонился на ихъ просьбы о мирѣ. 11 августа 1471 г. заключенъ былъ въ с. Коростынѣ договоръ, по которому Новгородъ обязался возвратить захваченныя земли великаго князя, платить великому князю «черную» дань (повидимому поголовный сборъ съ черныхъ людей, т. е. съ крестьянъ), а митрополиту судныя пошлины, обязался высшую судебную власть признавать за великимъ княземъ, королю польскому не подчиняться, архіепископа ставить только на Москвѣ и заплатить великому князю 15.500 р. (болѣе 70 пудовъ серебра). Іоаннъ цѣловалъ крестъ на соблюденіе условій мира. Уже послѣ его заключенія пришла вѣсть, что 27 іюля и въ Заволочьѣ воеводы великаго князя съ четырехтысячнымъ отрядомъ совершенно разбили 12-титысячное войско новгородское. 1 сентября 1471 г., въ тогдашній первый день новаго года, Іоаннъ торжественно вступилъ въ Москву, за 20 верстъ отъ города встрѣченный сыномъ, братомъ и множествомъ народа. Въ декабрѣ того же года освобождены были заточенные новгородскіе плѣнники, о которыхъ въ церкви съ амвона просилъ великаго князя архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ въ самый день своего посвѣщенія. Въ 1472 г. воевода великаго князя кн. Ѳедоръ Пестрый привелъ къ повиновенію великому князю Пермь, которая была уступлена Новгородомъ Москвѣ, но не хотѣла мирно подчиниться.

Въ Новгородѣ, повидимому почти сохранившемъ свою прежнюю самостоятельность, не утихла вражда партій и происходили ссоры между боярами, сопровождавшіяся взаимными грабежами и даже убійствами: 21 ноября 1475 г. пріѣхалъ въ Новгородъ «миромъ», но «на судъ и на управу» великій князь и пробылъ тамъ до 26 января 1476 г. 25 ноября онъ сталъ разбирать взаимныя жалобы новгородцевъ и приказалъ нѣсколько главныхъ обидчиковъ, извѣстныхъ сторонниковъ литовской партіи, взять подъ стражу. Окончивъ эти дѣла, великій князь жилъ въ Новгородѣ, принимая и давая пиры; по старинному обычаю онъ получилъ множество даровъ; въ это же время были въ Новгородѣ послы шведскіе, которыхъ Іоаннъ угощалъ, но договоръ съ которыми, по обычаю, велѣлъ заключить отъ имени Новгорода посадникамъ и владыкѣ. При отъѣздѣ, опять таки согласно договорамъ, Іоаннъ не взялъ никакихъ даровъ; 8 февраля 1476 г. онъ вернулся въ Москву. Вслѣдъ за нимъ туда прибылъ архіепископъ Ѳеофилъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи заключенныхъ, но эта просьба не была удовлетворена. Внутреннее положеніе Новгорода осталось таково, что многіе обиженные начали, вопреки одной изъ тѣхъ привилегій, которыми Новгородъ наиболѣе дорожилъ, являться на судъ въ Москву, не ожидая, когда великій князь пріѣдетъ въ Новгородъ.

Въ февралѣ 1477 года явились въ Москву по нѣкоторымъ обыкновеннымъ дѣламъ новгородскіе послы, подвойскій Назаръ и вѣчевой дьякъ Захаръ, и при челобитьи назвали Іоанна не «господиномъ», какъ называлъ вообще Новгородъ великаго князя, а «государемъ» (или, какъ тогда говорили, господаремъ). Лѣтописецъ отмѣчаетъ это, какъ фактъ совершенно необычный; называніе государемъ по тогдашнимъ понятіямъ обозначало болѣе полную степень подчиненности и подданства, чѣмъ называніе господиномъ; изъ всѣхъ князей впервые назвалъ такъ Іоанна умиравшій князь Михаилъ Андреевичъ верейскій въ 1485 г. Въ Москвѣ, впрочемъ, или не сразу напали на мысль воспользоваться фразою пословъ, или, быть можетъ, подготовляли необходимыя для дальнѣйшихъ дѣйствій силы: она произнесена была въ мартѣ, а только 24 апрѣля отправлены были изъ Москвы послы, спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства? и ѣхали эти послы такъ медленно, что прибыли въ Новгородъ лишь 18 мая. Въ Новгородѣ вѣчу до самаго ихъ прибытія ничего не было извѣстно объ этихъ происшествіяхъ; надо думать, что Назаръ и Захаръ не случайно оговорились, а что дѣло это было кѣмъ то подстроено.

Вопросъ великаго князя, предъявленный на вѣчѣ, вызвалъ сильнѣйшее волненіе; послышались обвиненія, что дѣло это устроено боярами, начались шумныя собранія; на вѣчѣ 31 мая двое были убиты, шесть человѣкъ подверглись побоямъ и оскорбленіямъ. Около шести недѣль продолжались въ Новгородѣ вызванныя этимъ происшествіемъ волненія, но послы великокняжескіе жили въ Новгородѣ всё это время спокойно, новгородцы ихъ не тронули и, наконецъ, отпустили ихъ въ Москву съ честью, поручивъ передать великому князю, что смута эта возникла по злому умыслу нѣкоторыхъ людей, а что они просятъ великаго князя держать ихъ во всемъ по старинѣ. Великій князь собралъ своихъ близкихъ и жаловался предъ ними, что новгородцы его оскорбили, сами предложили ему сначала «государство», а потомъ его «снимаютъ»; рѣшено было идти на Новгородъ войною. Нечего, конечно, и говорить, что все это было лишь предлогомъ, котораго Іоаннъ давно ожидалъ, чтобы покончить съ Новгородомъ. Быстро собрана была рать; 30 сентября послано было въ Новгородъ объявленіе войны; 9 октября Іоаннъ выступилъ самъ, оставивъ въ Москвѣ сына своего Іоанна Молодого; посланцевъ новгородскихъ, ѣхавшихъ къ великому князю просить «опаса», т. е. охранной грамоты для великихъ пословъ, не велѣлъ пускать къ себѣ; во время пути къ нему присоединилось ополченіе тверское, а во Псковъ былъ посланъ приказъ двинуться на Новгородъ. Только 8 ноября уже великій князь приказалъ отпустить прежнихъ новгородскихъ посланцевъ, давъ имъ грамоту для свободнаго проѣзда большихъ пословъ. 23 ноября, когда Іоаннъ стоялъ уже въ Сытинѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода, явились къ нему архіепископъ Ѳеофилъ, въ сопровожденіи пяти старыхъ посадниковъ (Якова Короба, Ѳеофилакта Захарьина, Луки Ѳедорова, Якова Ѳедорова и Луки Исакова Аполинарьина) и пяти представителей отъ концовъ; это посольство смиренно било Іоанну челомъ, называя его государемъ, чтобы онъ помиловалъ свою отчину. Великій князь ничего не отвѣтилъ на ихъ челобитье, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день послы предложили боярамъ, которыхъ назначилъ великій князь вести съ ними переговоры, уплачивать великому князю черезъ три года въ четвертый по 1000 рублей, во всемъ же остальномъ они думали сохранить старинное свое положеніе. Вмѣсто отвѣта Іоаннъ приказалъ полкамъ придвинуться къ Новгороду и на другой день отпустилъ пословъ, которымъ его бояре перечислили ихъ вины по отношенію къ великому князю, но не сообщили имъ требованій Іоанна, а сказали: «князь великій говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ намъ бить челомъ и онъ знаетъ, какъ ему намъ бить челомъ». Къ 30 ноября городъ уже былъ совершенно обложенъ; тамъ происходили волненія; была партія, стоявшая за отчаянную оборону; но восторжествовала сторона, считавшая необходимыми уступки. 4 декабря явился вновь владыка Ѳеофилъ, но былъ отпущенъ съ прежнимъ отвѣтомъ; 5 декабря послы вернулись и повинились, что Назаръ и Захаръ назвали Іоанна государемъ по приказу Новгорода. Тогда имъ отвѣтили: «если такъ, то вы всѣ провинились передъ великимъ княземъ и вотъ его воля: онъ хочетъ государствовать въ Новгородѣ, какъ на Москвѣ». Получивъ два дня на размышленіе посольство, въ еще увеличенномъ составѣ, вернулось 7 декабря и предложило разныя условія со своей

стороны; бояре Іоанна отвѣчали, что это уже не государствованіе, когда оно ограничено условіями и на отвѣтъ, что они не знаютъ обычая московскаго, имъ было сказано: «государство наше таково: вѣчу и посаднику въ Новгородѣ не быть, все государство намъ держать, имѣть намъ въ новгородской области села и земли; судъ сохранимъ по старинѣ, вывода не бойтеся». Только 17 декабря вернулись послы съ согласіемъ на эти требованія, но просили, чтобы великій князь, или его братья, или хотя воеводы по приказу великаго князя цѣловали крестъ — но получили отказъ; даже не были отпущены посовѣтоваться въ Новгородъ; только 29 декабря по просьбѣ пословъ дана была имъ аудіенція у великаго князя и они изъ его собственныхъ устъ услышали повтореніе обѣщаній, данныхъ 7 декабря, и были отпущены въ Новгородъ. Далѣе шли еще переговоры о даняхъ великому князю и объ отбираемыхъ имъ у монастырей земляхъ, причемъ Іоаннъ сдѣлалъ небольшія уступки въ первоначальныхъ требованіяхъ: именно, сначала Іоаннъ хотѣлъ взять половину вотчинъ изъ всѣхъ монастырскихъ и владычныхъ и всю новоторжскую область, а затѣмъ согласился взять половину земли только у шести наиболѣе богатыхъ монастырей (Юрьевскаго, Благовѣщенскаго, Аркажа, Антоніева, Никольскаго Неревскаго и Михайловскаго на Сковородкѣ), а у владыки, вмѣсто половины, земли, взялъ всего 10 волостей; затѣмъ великій князь уменьшилъ вдвое размѣръ поземельной дани, которую хотѣлъ брать сначала и согласился не посылать писцовъ переписывать новгородскую землю; новгородцы должны были дать точныя свѣдѣнія сами, подъ страхомъ жестокихъ наказаній за утаенную землю. 18 января 1478 г. весь Великій Новгородъ билъ челомъ великому князю о принятіи въ его службу. 20 января Іоаннъ извѣщалъ объ этомъ грамотою мать, сына и митрополита; намѣстниками въ Новгородъ были назначены два брата князья Оболенскіе, Иванъ Васильевичъ Стрига и Ярославъ Васильевичъ. Были захвачены Марѳа Борецкая съ внукомъ, еще шестеро новгородцевъ, имѣніе ихъ отобрано на великаго князя, сами они отправлены въ заточеніе; послѣ отъѣзда великаго князя снятъ былъ вѣчевой колоколъ, отвезенъ въ Москву и тамъ повѣшенъ на колокольнѣ Успенскаго собора, звонить вмѣстѣ съ прочими. Выѣхавъ изъ Новгорода 17 февраля, Іоаннъ 5 марта возвратился въ Москву.

Но Новгородъ еще не забылъ своей прежней воли и еще не разъ пришлось дѣйствовать Іоанну противъ него силою. Въ 1480 г., когда возникли слухи о движеніи на Московское княжество Ахмата, новгородцы снова начали какія то сношенія съ Казиміромъ. 26 октября Іоаннъ, взявши только 1000 человѣкъ и принявъ возможныя мѣры, чтобы новгородцы не получили вѣсть о его движеніи, двинулся къ Новгороду; при его приближеніи новгородцы затворились и рѣшили защищаться; Іоаннъ получилъ подкрѣпленія и началъ обстрѣливать городъ; Новгородъ тогда вскорѣ смирился и принялъ Іоанна; немедленно были схвачены и высланы до 50 чел., затѣмъ обнаружено участіе въ заговорѣ Ѳеофила, онъ сведенъ съ каѳедры и отправленъ на заточеніе въ Чудовъ монастырь; до 100 человѣкъ было казнено, столько же семей переселено въ другіе города; при подчиненіи Новгорода жители были обнадежены, чтобы не боялись вывода; но теперь послѣ новой смуты мѣру эту стали примѣнять. Въ 1481 и 1484 гг. происходили въ Новгородѣ подобная же расправа, но въ меньшихъ размѣрахъ; въ 1487 г. въ Новгородѣ четыре мѣсяца стоялъ московскій отрядъ и было выведено 50 семей; въ 1488 г. открылось намѣреніе убить великокняжескаго намѣстника; многіе были казнены, выведено было болѣе 700 новгородцевъ и взамѣнъ ихъ поселены были переведенцы изъ другихъ городовъ. Но наиболѣе сильный ударъ нанесенъ былъ Новгороду прекращеніемъ торговыхъ сношеній съ Ганзою въ 1494 г. Со времени полнаго подчиненія Новгорода великому князю, его намѣстники предъявляли все болѣе и болѣе требованій къ купцамъ ганзейскимъ; при самомъ уже взятіи Новгорода нѣсколько этихъ купцовъ были заключены подъ стражу и на нѣкоторое время торговыя сношенія прекратились потомъ они, однако же, были возстановлены. Въ 1494 г. лѣтомъ явилось въ Москву посольство отъ Ганзы и, обмѣнявшись съ великимъ княземъ дарами, представило жалобы на притѣсненія со стороны московскихъ намѣстниковъ въ Новгородѣ; въ отвѣтъ на это съ русской стороны выставлены были подобныя же претензія и жалобы. Послы, впрочемъ, были отпущены изъ Москвы, но по дорогѣ уже подъ Брон-

ницами, недалеко отъ Новгорода, арестованы, а 5 ноября 1494 г. всѣ купцы нѣмецкаго двора въ Новгородѣ были арестованы, товары взяты на великаго князя и самый дворъ запертъ. Всего были схвачены 49 купцовъ; большинство изъ нихъ въ 1497 г. были отпущены, но четверо такъ и остались въ заключеніи въ Москвѣ. Послѣ этого торговыя сношенія съ Ганзою уже не были возстановлены; въ 1514 г. заключенъ былъ съ Ганзою торговый договоръ на 10 лѣтъ, но нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ уже не былъ открытъ. Іоаннъ, повидимому, желалъ вести коммерческія сношенія съ Западной Европой безъ посредства Ганзы, которая во всякомъ случаѣ извлекала больше выгоды изъ торговли съ Новгородомъ, чѣмъ доставляла ему.

Важнѣйшая колонія Новгорода, земля Вятская, сохранявшая значительную степень самостоятельности и по отношенію къ Новгороду, первое время правленія Іоаннова не подчинялась и ему; въ 1466 г. вятчане даже опустошали ближайшія къ нимъ владѣнія великаго князя, въ 1469 г. отказались помогать его воеводамъ противъ Казани; но въ борьбѣ противъ Новгорода вятчане помогали Іоанну. Въ 1485 и 1486 гг. вятчане опять воевали земли великокняжескія. Тогда, наконецъ, въ 1489 г., утвердивъ уже свое вліяніе въ Казани, великій князь отправилъ противъ вятчанъ значительную рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Григорія Морозова, которые принудили къ сдачѣ главный городъ вятской области Хлыновъ и самихъ вятчанъ заставили присягнуть великому князю; три главные противника московскаго владычества были казнены, много семействъ разослано изъ Вятки въ московскіе города; мелкіе мѣстные князья были привезены въ Москву, но затѣмъ отпущены обратно въ ихъ владѣнія, въ качествѣ уже князей служилыхъ.

Псковъ. — Отношенія со Псковомъ при Іоаннѣ сохранили прежній характеръ. И Москва и Псковъ очень часто сталкивались съ однимъ и тѣмъ же врагомъ, Новгородомъ, и это сближало ихъ; кромѣ того, начиная еще съ вел. кн. Василія Димитріевича, московскіе князья охотнѣе и дѣятельнѣе всѣхъ другихъ князей подавали помощь Пскову, когда онъ нуждался въ поддержкѣ противъ нѣмцевъ и уже съ того времени замѣчается, что съ одной стороны—Псковъ тяготѣетъ къ Москвѣ, а съ другой—что московскіе князья поддерживаютъ, гдѣ только было можно, Псковъ; впрочемъ, въ одномъ отношеніи псковичи никогда не успѣвали, не смотря на всѣ старанія: въ Москвѣ ни за что не разрѣшали имъ обособиться отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. И при Іоаннѣ были отклонены просьбы псковичей, клонившіяся къ этому, представленныя въ 1463, 1464, 1468 и 1469 гг. Вообще Псковъ покорно исполнялъ требованія великихъ князей, а Іоаннъ со своей стороны поддерживалъ прежнія добрыя отношенія, не дѣлая, однако же, и большихъ уступокъ; псковичи помогали Іоанну въ обоихъ новгородскихъ походахъ 1471 и 1477 гг. Намѣстникомъ во Псковѣ бывалъ всегда князь, назначенный княземъ московскимъ; у намѣстниковъ этихъ постоянно возникали столкновенія съ Псковичами, разрѣшать которыя приходилось великому князю. Въ 1462 г. псковичи выгнали отъ себя кн. Владиміра Андреевича, даннаго имъ еще Василіемъ Темнымъ; Іоаннъ не сразу принялъ посольство псковичей по этому поводу, но затѣмъ умилостивленный просьбами и дарами, позволилъ псковичамъ самимъ выбрать для себя намѣстника, и они получили сначала кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, а затѣмъ—кн. Θедора Юрьевича. Въ 1472 г. псковичи попросили замѣнить кн. Θедора Юрьевича княземъ Иваномъ Васильевичемъ Стригой Оболенскимъ; великій князь отвѣтилъ, что кн. Стрига ему самому нуженъ и далъ имъ его брата кн. Ярослава Васильевича. Но съ этимъ княземъ псковичи не ужились въ мирѣ; уже въ 1475 г. обѣ стороны жаловались другъ на друга: рѣшеніемъ великаго князя неправыми были признаны псковичи и принуждены были заплатить своему намѣстнику 130 р., но несогласіе у нихъ не прекратилось и въ 1477 г., послѣ новыхъ, уже кровавыхъ столкновеній, и, особенно, вѣроятно, въ виду предстоявшаго столкновенія съ Новгородомъ, Іоаннъ далъ псковичамъ новаго намѣстника, кн. Василія Васильевича Шуйскаго. Однако, въ 1482 г. во Псковѣ опять намѣстникомъ былъ кн. Ярославъ Васильевичъ; при немъ произошли въ 1484—1486 гг. большія смуты по дѣлу о смердахъ, отказавшихся отъ нѣкоторыхъ работъ на основаніи новыхъ грамотъ, составленныхъ княземъ Ярославомъ безъ вѣдома вѣча; великій князь своимъ вмѣшательствомъ старался вернуть отношенія къ

ихъ прежнему положенію. Въ 1480 году во Псковъ явились братья великаго князя, во время ссоры своей съ Іоанномъ; псковичи просили ихъ идти противъ нѣмцевъ; но князья требовали, чтобы сначала Псковъ принялъ ихъ женъ и дѣтей; тогда псковичи отвѣчали, что они не могутъ быть съ ними въ дружбѣ, когда они поднялись противъ великаго князя, и князья выѣхали изъ псковской области, грабя и опустошая все по пути. Въ 1480—1483 г.г. воеводы великаго князя дѣятельно поддержали Псковъ въ столкновеніи его съ ливонскимъ орденомъ. Въ 1499 г. Іоаннъ, приблизивъ къ себѣ снова Софью и сына своего Василія, бывшихъ предъ тѣмъ въ опалѣ, назвалъ Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова; псковичи отправили пословъ просить, чтобы у нихъ былъ тотъ же великій князь, что и на Москвѣ; этотъ слабый протестъ противъ распоряженій великаго князя вызвалъ съ его стороны суровое замѣчаніе псковичамъ.

Почти уничтоживъ раздробленіе въ собственно московскомъ княжествѣ, покоривъ Новгородъ, а затѣмъ и Тверь, Іоаннъ продожалъ собираніе Русскихъ земель и присоединилъ къ своему княжеству нѣсколько областей, принадлежавшихъ въ то время великому княжеству Литовскому. Въ дѣйствіяхъ своихъ, направленныхъ къ этому присоединенію, Іоаннъ обнаружилъ свою обычную осторожность, твердость, настойчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что стремится совершенно сознательно именно къ соединенію въ одно государство всѣхъ областей, занятыхъ русскимъ православнымъ населеніемъ: впервые въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ выставилъ онъ титулъ «государь всея Руси» и настоялъ на его признаніи; утверждая постоянно относительно всякаго новаго пріобрѣтенія, какое бы ни дѣлала Москва отъ Литвы, что это есть лишь возвращеніе прежде принадлежавшаго преемникамъ св. Владиміра, онъ заявлялъ притязанія на всѣ земли, находившіяся во власти князей литовскихъ, но когда либо принадлежавшія русскимъ князьямъ, и въ то же время началъ принимать на себя роль защитника православія въ Литвѣ.

Отношенія литовскія и польскія. — Первое время правленія Іоаннова у него не было прямыхъ враждебныхъ столкновеній съ тогдашнимъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ: границы Москвы и Литвы почти не соприкасалась другъ съ другомъ, на большомъ пространствѣ раздѣленныя владѣніями тверскими и новгородскими; но Іоаннъ и Казиміръ постоянно являлись соперниками. Казиміръ обѣщалъ помощь Новгороду, обѣщался помочь князю тверскому, вступалъ въ сношенія съ недовольными братьями Іоанна; онъ поднималъ противъ Іоанна Золотую Орду, старался разрушить дружественныя отношенія къ Москвѣ крымскаго хана, но дѣйствовалъ вообще нерѣшительно и не довольно искусно и не успѣлъ помѣшать Іоанну ни въ одномъ его важномъ предпріятіи, тѣмъ болѣе, что его вниманіе отъ востока постоянно отвлекали отношенія къ Чехіи и Венгріи, на престолъ которыхъ Казиміръ старался постоянно посадить своихъ сыновей, что ему, наконецъ, и удалось. Со своей стороны, великій князь московскій поднималъ на Литву и Польшу хана крымскаго и Стефана, воеводу молдавскаго, приводилъ въ свое подданство мелкихъ пограничныхъ самостоятельныхъ князей и успѣлъ нанести Польско-литовскому государству значительно больше ущерба и хлопотъ, чѣмъ Казиміръ Москвѣ. Въ 1473 г. небольшая рать великаго князя сдѣлала нападеніе на литовскія области у Любутска; послѣ присоединенія Новгорода въ 1478 г. Іоаннъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ притязанія Казиміра получать нѣкоторые доходы съ Великихъ Лукъ и Ржева, которые шли королю польскому прежде, при новгородскомъ владычествѣ надъ этими городами; Казиміръ неоднократно повторялъ свои требованія, но въ отвѣтъ слышалъ лишь утвержденіе, что з а н и м ъ много вотчинъ великаго князя, а что за великимъ княземъ его вотчинъ нѣтъ; впрочемъ, относительно Казиміра Іоаннъ какъ будто бы не рѣшался дѣйствовать болѣе круто и до рѣшительныхъ и открытыхъ столкновеній дѣло дошло только къ концу 1492 года.

На границахъ Московскаго и Литовскаго княжества лежала, такъ называемая тогда, «страна князей»; тутъ находились мелкіе самостоятельные князья, изъ которыхъ одни служили князю московскому, но бо́льшая часть признавали надъ собою верховную власть великаго князя литовскаго и служили ему частью со своими родовыми вотчинами, частью съ пожалованными отъ него на извѣстныхъ усло-

віяхъ. Князья эти постоянно ссорились между собою за границы своихъ владѣній и за право владѣть тѣмъ или другимъ городомъ, на основаніи старѣйшинства и другихъ родовыхъ отношеній. Въ эти ссоры князей, служившихъ Литвѣ, вмѣшивались и сосѣдніе и родственные имъ князья, служившіе Москвѣ. Казиміръ польскій относился къ этимъ спорамъ и ссорамъ князей недостаточно внимательно и далъ возможность Іоанну воспользоваться ими къ своей выгодѣ. И вотъ, съ конца 80-хъ годовъ не рѣдко къ такимъ спорившимъ князьямъ являлся московскій посланецъ и объявлялъ, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ хочетъ ихъ беречь, жаловать, приметъ ихъ въ свою службу съ городами и областями и будетъ защищать за ними тѣ владѣнія, съ какими они явятся въ московскую службу. Такія внушенія дѣйствовали. Еще въ 1482 г. отъѣхалъ къ Іоанну кн. Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣльскій; а въ концѣ десятилѣтія идетъ цѣлый рядъ отъѣздовъ, при чемъ каждый князь отъѣзжалъ со своею вотчиною, а иногда еще удерживалъ и данные ему для службы литовскимъ княземъ города: сначала отъѣхалъ кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, затѣмъ въ 1489 г. кн. Дмитрій Ѳеодоровичъ Воротынскій, въ 1490—кн. Иванъ Васильевичъ Бѣльскій, въ 1492—князь Семенъ Ѳеодоровичъ Воротынскій, который, не получивъ отъ Казиміра вознагражденія за земли, отнятыя у него кн. Дмитріемъ Воротынскимъ при переходѣ въ московскую службу, самъ послѣдовалъ его примѣру и тоже захватилъ два города, и кн. Иванъ Михайловичъ Воротынскій, а въ 1493 г.— князь Михаилъ Романовичъ Мезецкій и князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій; немного ранѣе перехода двухъ послѣднихъ началась уже открытая война у Іоанна съ Литовскимъ княземъ; въ то же время въ Москвѣ былъ казненъ кн. Иванъ Лукомскій, тоже отъѣхавшій изъ Литвы и обвиненный теперь въ намѣреніи отравить великаго князя.

Въ концѣ 1492 г. умеръ Казиміръ; на престолѣ польскомъ ему наслѣдовалъ сынъ его Янъ Альбрехтъ, а на литовскомъ—второй сынъ Александръ; тогда Іоаннъ рѣшился дѣйствовать энергичнѣе и, направивъ на Литву Менгли-Гирея крымскаго, послалъ и свою рать подъ начальствомъ кн. Ѳедора Оболенскаго; были взяты Мезецкъ, Любутскъ, Хлѣпень, Рогачевъ, Мещевскъ, Серпейскъ, сожженъ Опаковъ; на этомъ остановились завоеванія, потому что уладилось дѣло о бракѣ между Александромъ литовскимъ и дочерью Іоанна и Софіи, Еленой, переговорами о чемъ Александръ тщетно думалъ остановить войну; по мирному договору 4 февраля 1494 г. къ Москвѣ отошли Вязьма, Серенскъ, половина Мезецкой волости; князья новосильскіе, одоевскіе, воротынскіе и бѣлевскіе признаны подданными московскими; за Іоанномъ признанъ титулъ государя всея Руси. Послѣ заключенія мира 13 января 1495 г. Іоаннъ отпустилъ свою дочь Елену въ Литву, въ замужество за князя Александра.

Первое предложеніе по поводу этого брака было сдѣлано 14 іюня 1492 г. въ самомъ началѣ войны въ Новгородѣ, тамошнему воеводѣ Якову Захарьичу намѣстникомъ полоцкимъ Забережскимъ черезъ своего писаря, пріѣхавшаго въ Новгородъ какъ будто бы за разными покупками. Яковъ Захарьичъ самъ пріѣхалъ въ Москву сообщить объ этомъ великому князю и Іоаннъ, по совѣту съ боярами, 17 октября приказалъ ему дать благопріятный для дальнѣйшихъ переговоровъ отвѣтъ. Забережскій писалъ по этому дѣлу кн. Юрію Ряполовскому, а затѣмъ въ январѣ 1494 г. пріѣхалъ въ Москву отъ Александра посолъ, Станиславъ Глѣбовичъ, который сначала повелъ переговоры по поводу войны, а затѣмъ заговорилъ и о сватовствѣ; съ обѣихъ сторонъ взаимно обвиняли другъ друга въ обидахъ и нарушеніи мира; вообще же съ литовской стороны хотѣли заключить договоръ о свадьбѣ прежде заключенія мирнаго, а московское правительство твердо стояло на томъ, что прежде надо рѣшить вопросъ о мирѣ; во время неоднократныхъ пересылокъ по этому поводу изъ Литвы въ Москву и обратно, 5 января 1493 г. посланный въ Литву дворянинъ Загряжскій впервые привезъ туда грамоты съ титуломъ: «Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси» и т. д.; литовскій князь въ январѣ 1494 г. прислалъ большихъ пословъ Петра Бѣлаго Яновича, воеводу трокскаго и Станислава Гаштольдовича Яновича, старосту жмудскаго. Они и заключили миръ на указанныхъ выше условіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ покончили дѣло о бракѣ Елены съ Александромъ; получивъ торжественныя увѣренія, что великой княгинѣ не будетъ

притѣсненія въ вѣрѣ, Іоаннъ 6 февраля 1494 г. обручилъ дочь Александру, причемъ мѣсто жениха занималъ второй посолъ, панъ Станиславъ, потому что первый посолъ былъ женатъ вторымъ бракомъ. Затѣмъ князья Василій и Семенъ Ряполовскіе отправлены были послами въ Литву, чтобы привезти письменное обѣщаніе Александра, что Еленѣ не будетъ принужденія въ вѣрѣ; вслѣдъ за ихъ возвращеніемъ прибыло за невѣстой новое великое посольство и 13 января 1495 г., послѣ торжественной обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ отпустилъ дочь въ Литву. 15 февраля она была обвѣнчана въ Вильнѣ со своимъ нареченнымъ женихомъ.

Однако, бракъ этотъ, какъ и надо было думать, не улучшилъ отношеній между Москвою и Литвою; каждая сторона надѣялась и желала извлекать изъ него выгоды только для себя и столкновенія незамедлили возникнуть. Александръ почти немедленно послѣ брака пересталъ въ своихъ грамотахъ называть Іоанна государемъ всея Руси; присланныхъ съ Еленой изъ Москвы бояръ и боярынь отправилъ противъ желанія Іоанна изъ Литвы обратно въ Москву, говоря, что у него довольно и своихъ слугъ, и окружилъ супругу, къ великому неудовольствію тестя, слугами католиками; обѣщанной церкви для великой княгини не выстроилъ, ссылаясь на то, что по привиллегіямъ онъ не имѣетъ права строить въ своей странѣ новыхъ церквей греческихъ и что вблизи дворца есть церковь, удобная для посѣщеній великой княгини; наконецъ въ Москву постоянно доходили слухи о томъ, что великую княгиню принуждаютъ къ перемѣнѣ вѣры и хотя сама Елена въ письмахъ утверждала противное, Іоаннъ постоянно укорялъ этимъ Александра. Со своей стороны Іоаннъ не только не особенно ревностно старался удержать Менгли-Гирея отъ нападеній на литовскія земли, но вскорѣ даже началъ подстрекать его къ такимъ нападеніямъ; не удерживалъ отъ враждебныхъ отношеній къ Литвѣ и Стефана молдавскаго; онъ не очищалъ тѣхъ изъ занятыхъ его войсками земель, которыя по мирному договору должны были перейдти къ Литвѣ и по прежнему старался переманить на свою сторону пограничныхъ князей, остававшихся въ литовскомъ подданствѣ; съ той и другой стороны очень мало дѣлалось для устраненія пограничныхъ столкновеній или хотя бы для прекращенія возникавшихъ. Сношенія между зятемъ и тестемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, холодными и наконецъ совершенно прекратились. Въ февралѣ 1498 г. Москва и Литва обмѣнялись, однако, посольствами, по поводу того, что въ Литвѣ былъ задержанъ русскій посолъ къ султану, Плещеевъ; затѣмъ опять не было никакихъ сношеній до 30 мая 1499 г., когда до Іоанна дошло окольнымъ путемъ извѣстіе изъ Литвы, утвердительно говорившее, что тамъ поднято гоненіе на православіе и что дочь его Елену тоже принуждаютъ къ переходу въ латинство. Того же 30 мая отправленъ былъ въ Литву гонецъ съ письмами къ Еленѣ, въ которыхъ великій князь убѣждалъ её сохранить вѣру; дѣйствительно, извѣстно, что папа побуждалъ Александра дѣйствовать всѣми способами, чтобы заставить жену приступить къ римскому закону. Вскорѣ явилось въ Москву посольство изъ Литвы, не прямо по этому поводу, но переговоры коснулись и вопроса о принужденіи великой княгини къ перемѣнѣ вѣры; кромѣ того, литовскіе послы представили въ Москвѣ добытыя ими въ Крыму точныя копіи съ тайной переписки великаго князя съ ханомъ, въ которой Іоаннъ возбуждалъ хана къ нападенію на Литву; такимъ образомъ отношенія стали только еще болѣе натянутыми. Въ то же время Іоанну билъ челомъ о принятіи въ службу князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій, выставляя ту причину, что въ Литвѣ начались притѣсненія православію; послѣ довольно продолжительныхъ переговоровъ объ условіяхъ подданства Іоаннъ къ началу 1500 г. принялъ Бѣльскаго и отправилъ въ Литву Дмитрія Загряжскаго сообщить объ этомъ своемъ рѣшеніи Александру; вслѣдъ за Бѣльскимъ отъѣхали къ Москвѣ со своими вотчинами князья Мосальскіе, Трубчевскіе и другіе, а затѣмъ приняты были въ московскую службу князь стародубскій, Семенъ Ивановичъ, сынъ князя можайскаго, захватившаго въ Троицкомъ монастырѣ вел. кн. Василія Васильевича, и князь сѣверскій Василій Ивановичъ Шемячичъ, внукъ заклятаго врага отца Іоанна; они принесли съ собою Москвѣ Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ и другіе города; вмѣстѣ съ объявленіемъ объ этомъ

въ Литву отправлена была и «складная грамота», т. е. объявлена война; въ то же время къ Стефану молдавскому и къ Менгли Гирею было сообщено о разрывѣ съ Литвою и посланы приглашенія идти на Александра. Менгли-Гирей двинулся, а Стефанъ не хотѣлъ было исполнить желанія Іоанна, такъ какъ изъ Литвы ему сообщили, что въ Москвѣ его дочь Елена, вдова князя Іоанна Іоанновича Молодого, и съ сыномъ ея подвергнута опалѣ; но въ 1502 г. напалъ на литовскія земли и онъ, увѣренный Менгли-Гиреемъ, что сообщенныя ему Александромъ извѣстія сильно преувеличены.

Военныя столкновенія уже шли на границахъ еще до отсылки складной грамоты; князья-отъѣздчики уже занимали прилежащіе города литовскіе; настоящая рать великаго князя московскаго, сначала подъ предводительствомъ царя казанскаго Магомета-Аминя и боярина Якова Захарьевича Кошкина, заняла нѣсколько городовъ, а затѣмъ, подъ главнымъ начальствомъ кн. Даніила Щени, 14 іюля 1500 г., въ годовщину Шелонской побѣды, встрѣтилась съ литовскимъ войскомъ у рѣчки Ведроши, подъ Дорогобужемъ и одержала полную побѣду; самъ предводитель литовскій, гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, со многими другими предводителями, вся артиллерія и обозъ попались въ руки москвичей. Дальнѣйшія военныя дѣйствія шли уже значительно менѣе энергично; московское княжество не имѣло еще достаточно силъ, чтобы, воспользовавшись первымъ крупнымъ успѣхомъ, нанести Литвѣ еще нѣсколько сильныхъ ударовъ; хотя уже въ 1501 г. опять московское войско одержало побѣду подъ Мстиславлемъ, но вообще дѣло ограничивалось занятіемъ нѣкоторыхъ городовъ; осада Смоленска, которую начала въ 1502 г. рать московская подъ начальствомъ сына великаго князя Димитрія Іоанновича (по прозванію Жилка) не-удалась и князь Дмитрій ограничился только опустошеніемъ окрестныхъ земель. Князь литовскій, со своей стороны послѣ сильнаго пораженія, не могъ вести войны энергично, къ тому же крымцы и Стефанъ отвлекали его вниманіе и силы; на помощь великому князю московскому двинулись псковичи, но Александръ успѣлъ поднять противъ нихъ Ливонскихъ рыцарей; псковичи и посланная тогда къ нимъ для поддержки московская рать неоднократно и съ перемѣннымъ счастіемъ бились съ нѣмцами; въ степяхъ союзникъ Іоанновъ Менгли-Гирей въ 1502 г. окончательно истребилъ послѣдніе остатки Золотой орды, предводимые Шихъ-Ахматомъ; съ этого времени началось то усиленіе Крымской орды, которое впослѣдствіе сдѣлало враждебными и отношенія Крыма и Москвы. Всѣ участники этой борьбы были ею утомлены; въ Москву еще въ 1500 году являлся литовскій посланецъ просить «опасной» грамоты для большихъ пословъ; это большое посольство явилось въ Москву 13 января 1501 г., когда уже тамъ было посольство отъ короля венгерскаго, Владислава, брата Александра литовскаго; вскорѣ пріѣхало посольство отъ Яна Альбрехта польскаго; позже прибыли еще послы и отъ папы Александра VI. Послы Александра литовскаго привезли письма Елены къ отцу, къ матери и къ братьямъ, въ которыхъ Елена просила, чтобы Польско-литовскому государству данъ былъ сколько-нибудь сносный миръ. Посольства предлагали посредничество своихъ властителей для заключенія мира, причемъ польское и венгерское даже грозили, что Александру будетъ подана помощь; на это бояре великаго князя отвѣчали его именемъ, что въ такомъ случаѣ помощь будетъ оказана неправому, перечисляли всѣ «неисправленія» Александра предъ великимъ княземъ московскимъ и заявили: «говорите вы, чтобы намъ въ отчину Александра не вступаться, а города и волости, которые наши люди поймали, то ихъ поступиться—то эти города, волости и земли изъ старины наша отчина»; «и не то одно наша вотчина, что тѣ города, которые нынѣ за нами; но и вся Русская земля, Божьею волею, изъ старины наша вотчина», говорили бояре московскіе отъ имени своего великаго князя. Тутъ впервые, предъ лицомъ польскихъ представителей русскій великій князь прямо и опредѣленно выразилъ мысль, что города и земли съ русскимъ населеніемъ, хотя бы и принадлежавшіе тогда какому либо другому государству, считаются въ Москвѣ долженствующими принадлежать къ Россіи. При этихъ же переговорахъ положено было и основаніе праву русскаго государя защищать въ Литвѣ религіозную свободу православныхъ; литовское посольство косвенно какъ бы признало это право за Іоанномъ, представляя постоянно увѣре-

нія, что православные не испытываютъ въ ихъ землѣ никакихъ притѣсненій за вѣру. Цѣлуя предъ послами крестъ, что будетъ соблюдать договоръ, Іоаннъ торжественно заявилъ, что опять начнетъ войну, если станутъ снова принуждать дочь его къ перемѣнѣ вѣры, и будетъ стоять за это дѣло «сколько Богъ помощи подастъ». Съ 7 марта 1503 г. начались въ Москвѣ эти переговоры съ прибывшимъ туда литовскимъ посольствомъ при посредствѣ посольства венгерскаго и польскаго; Александръ литовскій опять называлъ Іоанна государемъ всея Руси; литовскіе послы предлагали заключить миръ на основаніи прежняго мирнаго договора, затѣмъ венгерскій посланецъ предложилъ половину захваченнаго удержать за Москвою, половину возвратить; но московскій великій князь не согласился ни за что отдавать тѣ города, которые онъ признавалъ отчиною великихъ князей всея Руси; 28 марта 1503 года заключено перемиріе по 25 марта 1509 г.; Москва удерживала за собою всѣ земли, принесенныя княземъ Шемячичемъ и Стародубскимъ, а на время перемирія и всѣ завоеванія,—всего 19 городовъ и 70 волостей; Кіевъ и другіе города названы были въ избѣжаніе пререканій не отчинами, а землями; чтобы взять крестное цѣлованіе съ Александра были посланы въ Литву спеціальные послы; Александръ не охотно, только послѣ всякихъ возможныхъ отсрочекъ и задержекъ, присягнулъ на соблюденіе условій договора; когда вскорѣ послѣ заключенія мира, въ Польшѣ, престолъ которой къ этому времени занялъ также Александръ, написали въ проѣзжей грамотѣ одному московскому послу титулъ Іоанна не вполнѣ, пропуская наименованіе «Государь всея Руси», онъ выразилъ по этому поводу неудовольствіе и заставилъ Александра объяснять неправильность написанія титула тѣмъ, что въ польскихъ канцеляріяхъ еще не знали, какъ его слѣдуетъ писать; такимъ образомъ на будущее время и съ польской стороны было какъ бы принято обязательство признать за великимъ княземъ московскимъ титулъ «государя всея Руси». Это былъ послѣдній успѣхъ Іоанна въ отношеніи къ Польско-литовскому государству: вскорѣ Іоаннъ и скончался; получивъ извѣстіе о его смерти Александръ немедленно извѣстилъ объ этомъ Ливонскихъ рыцарей, говоря, что настало время поправить свои дѣла; въ февралѣ слѣдующаго 1506 г. въ Москву прибыло польско-литовское посольство, завело рѣчь о возвращеніи Литвѣ городовъ, утверждая, что они захвачены Москвою неправильно, но встрѣтило такой твердый отвѣтъ, что Александръ счелъ за лучшее соблюдать перемиріе.

Казань.—Таковы были отношенія Іоанна къ частямъ русской земли, еще не соединившимся съ Москвою, и къ ближайшему его западному сосѣду, государству Польско-литовскому; при изложеніи ихъ мы уже неоднократно встрѣчались съ татарами и татарскими отношеніями Іоанна; эти отношенія имѣли большое значеніе во все время его правленія, и были очень важны для Москвы; Іоаннъ умѣлъ отлично пользоваться тѣмъ раздѣленіемъ татарскаго царства на три части, какое создалось къ его времени; съ ордою Крымскою онъ все время сохранялъ дружественныя отношенія и ею удерживалъ и ослаблялъ другую орду, Золотую; а въ то же время—самъ дѣйствовалъ прямо наступательно по отношенію къ третьему татарскому царству, Казанскому, наиболѣе слабому, но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе близкому и слѣдовательно безпокойному для московской Руси. Въ Казани Іоанну удалось утвердить отчасти свое вліяніе, Золотая орда при немъ была окончательно уничтожена ханомъ крымскимъ; кромѣ этой услуги Крымская орда оказала существенную помощь Москвѣ, постоянно отвлекая силы и вниманіе государства Польско-литовскаго.

Съ Казанью непріязненныя столкновенія начались съ самыхъ первыхъ лѣтъ правленія Іоанна. Еще въ 1467 году московскій служилый царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани приглашеніе занять престолъ казанскій; Касимъ сообщилъ объ этомъ великому князю и Іоаннъ далъ ему отрядъ войска, который долженъ былъ проводить его въ Казань и посадить на царство; но свѣдѣнія Касима о положеніи дѣлъ въ Казани оказались невѣрными: казанскій царь Ибрагимъ встрѣтилъ его съ большимъ войскомъ и Касимъ съ московскимъ отрядомъ долженъ былъ поспѣшно отступать. Въ отвѣтъ на это казанцы сдѣлали вторженіе въ сосѣднія русскія области; въ декабрѣ того же года и въ январѣ 1468 г. отрядъ московскихъ дѣтей боярскихъ опустошилъ земли подвластной Казани Черемисы; въ то же время

татарскіе отряды нападали на костромской и на муромскій уѣздъ; шайки, дѣйствовавшіе подъ Муромомъ, были разбиты московскими отрядами. Весною русскіе имѣли успѣхъ противъ татаръ на Камѣ, но за то царь казанскій Ибрагимъ заставилъ Вятку признать свою власть. Весною же двинулась значительная московская рать подъ начальствомъ Беззубцева, еще ранѣе въ 1450 г. съ успѣхомъ водившаго русскую рать противъ казанцевъ; но въ то же время у великаго князя получила позволеніе ѣхать въ Казань ханша, вдова Касима и мать царя Ибрагима, которая обѣщала примирить Ибрагима съ Іоанномъ; поэтому великій князь послалъ въ Нижній Новгородъ главному воеводѣ Беззубцеву, приказаніе не двигаться на Казань всею ратью, а только отпустить охотниковъ; но когда Беззубцевъ сообщилъ это распоряженіе войску, то почти все оно высказало желаніе идти и биться съ татарами. Беззубцевъ никого не задерживалъ; войско выбрало себѣ предводителемъ нѣкоего Ивана Руно, рано утромъ 21 мая 1469 г. подплыло къ Казани, неожиданно на нее ударило, сожгло посады, перебило множество татаръ и захватило большую добычу; такъ какъ возвращаться по Волгѣ назадъ противъ теченія приходилось значительно медленнѣе, то рать татарская, двигаясь частью по берегу, частью и на судахъ, дважды производила нападеніе на русскихъ, но была отражена. Татары не успѣли такъ же помѣшать другому русскому отряду, который, получивъ извѣстіе, будто войско Беззубцева ушло, заключивъ миръ, рѣшился пройдти мимо Казани изъ Камы на судахъ; татары сдѣлали на него нападеніе, но русскіе пробились, хотя и съ большими потерями. Чтобы покончить наконецъ эти враждебныя столкновенія, Іоаннъ лѣтомъ 1469-же года отправилъ на Казань сильное войско, подъ начальствомъ братьевъ своихъ Юрія и Андрея Большого. 1 сентября они подступили къ Казани; вылазки татаръ были отражены, городъ обложенъ и обведенъ острогомъ; осажденные отрѣзаны отъ воды; вскорѣ царь Ибрагимъ просилъ мира и принялъ его на всей волѣ великаго князя; изъ условій этого мира мы знаемъ только, что были отпущены всѣ русскіе плѣнные, захваченные за послѣдніе 40 лѣтъ, т. е., вѣроятно всѣ бывшіе тогда въ Казани русскіе плѣнники. Этотъ походъ, повидимому, сильно напугалъ казанцевъ; почти восемь лѣтъ они не рѣшались послѣ этого подняться противъ Москвы, но, очевидно, только ожидали удобнаго случая; и въ 1478 г., получивъ ложное извѣстіе, будто бы великій князь потерпѣлъ подъ Новгородомъ рѣшительное пораженіе и самъ раненый едва убѣжалъ съ тремя спутниками, казанцы немедленно двинулись на Вятку и Устюгъ; но какъ, все таки, великъ былъ у нихъ страхъ предъ Іоанномъ, видно изъ того, что когда пришло къ этому войску справедливое извѣстіе объ успѣхѣ Іоанна, оно немедленно бросилось въ самое поспѣшное бѣгство, такъ что покинуло даже котлы съ варившеюся въ нихъ пищею. Въ наказаніе за это нападеніе великій князь послалъ снова подъ Казань свою рать, которая хотя и не имѣла противъ города большого успѣха, но все таки принудила Ибрагима просить мира. Въ 1482 г. Іоаннъ еще разъ лично самъ выступилъ противъ Казани; когда онъ былъ во Владимірѣ, а рать его уже въ Нижнемъ Новгородѣ, Ибрагимъ прислалъ посольство съ челобитьемъ о мирѣ и Іоаннъ возвратился безъ войны. Такимъ образомъ Ибрагимъ, начиная съ 1469 г., былъ до извѣстной степени подъ вліяніемъ Москвы. Въ 1486 г. онъ умеръ. Въ Казани произошли смуты и престолъ захватилъ послѣ нѣкоторой борьбы старшій сынъ Ибрагима, Алегамъ; второй сынъ покойнаго хана отъ ханши Нурсалтанъ, Магметъ-Аминь, тоже имѣлъ партію, которая желала видѣть его царемъ; послѣ удачи Алегама Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву и жилъ здѣсь при дворѣ великаго князя, пользуясь большимъ почетомъ. Іоаннъ охотно склонялся на его просьбы помочь ему въ достиженіи казанскаго престола и потому, что находилъ, конечно, выгоднымъ для себя вмѣшиваться въ дѣла казанскія, и потому, что мать Магметъ-Аминя, Нурсалтанъ вышла замужъ за вѣрнаго союзника Іоаннова, Менгли-Гирея; поэтому, когда и изъ Казани пришли къ Іоанну просьбы жителей защитить ихъ отъ жестокостей Алегама, онъ 11 апрѣля 1487 г. отправилъ подъ Казань войско подъ главнымъ начальствомъ кн. Даніила Холмскаго, а вслѣдъ за нимъ — 24 апрѣля и Магметъ-Аминя; 18 мая воеводы пришли подъ Казань, отбили вылазки татаръ, окружили городъ тыномъ, прогнали князя Алгазыя, который тревожилъ русское войско съ тыла, и 9 іюля царь Алегамъ сдался

воеводамъ. На царство именемъ Іоанна посаженъ былъ Магметъ-Аминь; Алегамъ сосланъ съ женою на Бологду, его мать, два брата и сестра въ Карголомъ. Магметъ-Аминь платилъ Іоанну какую то дань и собираясь жениться спрашивалъ у Іоанна позволенія. Въ 1496 г. по просьбѣ Магметъ-Аминя Іоаннъ посылалъ въ Казань войско, которое устрашило противниковъ Магмета и сохранило за нимъ царство; но когда войско это ушло, недовольные Магметъ-Аминемъ казанскіе князья снова призвали шибанскаго хана Мамука и Магметъ-Аминь бѣжалъ въ Москву. Но кажется еще до его прибытія въ Москву явились послы изъ Казани, просить, чтобы великій князь простилъ ихъ измѣну и далъ бы кого-нибудь въ цари, но не прежняго Магметъ-Аминя; въ апрѣлѣ того же года Іоаннъ послалъ въ Казань брата Магмета, Абдылъ-Летифа, который не задолго предъ тѣмъ явился изъ Крыма и получилъ отъ великаго князя Звенигородъ: съ нимъ отправлены были князья Семенъ Холмскій и Ѳедоръ Палецкій, которые и посадили Летифа на царство, въ началѣ мая; 9 мая Магметъ-Аминь былъ отпущенъ въ пожалованные ему города, Серпуховъ, Каширу и Хотунь. Въ 1502 г. Летифъ, по приказанію Іоанна, былъ схваченъ и приведенъ въ Москву; на его мѣсто присланъ былъ снова Магметъ-Аминь, но онъ возсталъ противъ Іоанна; уже въ началѣ 1505 г. произошли у него съ Іоанномъ какія то недружелюбныя обсылки грамотъ; 24 іюня посолъ великаго князя и русскіе купцы, явившіеся на ярмарку, были схвачены, часть ихъ убита, остальные посланы къ ногаямъ; самъ Магметъ-Аминь получилъ помощь отъ ногаевъ и подступалъ къ Нижнему Новгороду, но татарское войско было отбито воеводою Хаберомъ Симскимъ, который побудилъ принять участіе въ защитѣ города до 300 плѣнныхъ стрѣлковъ литовскихъ, сосланныхъ въ Нижній-Новгородъ; за эту помощь они получили впослѣдствіи свободу и богатые дары. Іоаннъ не успѣлъ уже отомстить Казани: осенью того же года онъ умеръ.

Сверженіе татарскаго ига. — Сношенія Іоанна съ Золотою ордою, хотя и значительно ослабѣвшею уже, но сохранявшею еще номинально верховную власть надъ московскимъ княжествомъ, были постоянно недружелюбны. Іоаннъ не скрывалъ уже, что тяготится этою зависимостью; онъ ни разу самъ не ѣздилъ въ Орду; дань татарамъ, такъ называемые «выходы», если и платилъ, то не особенно исправно; со своей стороны и золотоордынскіе ханы не могли не видѣть и не чувствовать постоянно возроставшей опасности, что Москва сброситъ, наконецъ, съ себя зависимость отъ Орды; потому, Золотая орда охотно шла навстрѣчу всякимъ внушеніямъ противъ Москвы. Казиміръ литовскій, постоянно отвлекаемый другими дѣлами отъ возможности противодѣйствовать усиленію Іоанна настолько, насколько онъ бы того хотѣлъ, старался создавать Іоанну затрудненія черезъ Ахмата, современнаго ему хана Золотой орды; въ 1470 г. новгородцы, какъ уже сказано, ожидали помощи отъ Казиміра; онъ отправилъ въ Золотую орду спеціальнаго посланца, чтобы возбудить Ахмата къ нападенію; но Ахматъ не скоро успѣлъ собраться, его задержалъ между прочимъ набѣгъ вятчанъ, которые успѣли неожиданнымъ нападеніемъ захватить самый Сарай и благополучно удалились, уводя множество плѣнныхъ. Только лѣтомъ 1472 г. Ахматъ пошелъ на Іоанна; но на берегу Оки встрѣтилъ уже сильные полки московскіе, не рѣшился на попытку переправы и ушелъ въ степи, ограничившись взятіемъ и сожженіемъ города Алексина, которому воеводы великокняжескіе не успѣли подать помощи; полки московскіе подоспѣли къ берегу Оки, когда татары были уже подъ Алексиномъ, жители котораго были задержаны въ городѣ, благодаря корыстолюбію воеводы Беклемишева; но воеводы не имѣли средствъ для того, чтобы сразу переправить значительную массу войска; а подъ Алексиномъ Ока настолько уже глубока и широка, что переправа вплавь въ виду непріятеля была слишкомъ опасна. Послѣ этого набѣга между Ахматомъ и Іоанномъ заключенъ былъ миръ и въ 1474 г. ѣздилъ въ орду посланникомъ Никифоръ Басенокъ, съ которымъ обратно пришелъ посолъ Ахмата съ громаднымъ количествомъ татарскихъ купцовъ въ своей свитѣ; въ 1476 г. Ахматъ потребовалъ Іоанна въ Орду; Іоаннъ, конечно, не поѣхалъ, но отправилъ посломъ Бестужева; подробности этихъ сношеній неизвѣстны. Когда Іоаннъ двинулся во второй свой походъ на Новгородъ, Казиміръ опять сталъ поднимать Ахмата и опять татары опоздали: главныя ихъ силы пришли, не только тогда уже, когда было покончено съ Новгородомъ, но

уже и послѣ того, какъ Іоаннъ успѣлъ почти примириться съ братьями, которые послѣ покоренія Новгорода поднялись было противъ него. Есть извѣстіе, что ханъ Ахматъ былъ страшно раздраженъ противъ Іоанна, который, будто бы, въ отвѣтъ на предъявленное посломъ требованіе ѣхать въ Орду, взялъ у него «басму» (ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю и, перебивъ всѣхъ пословъ, кромѣ одного, отпустилъ этого послѣдняго въ Орду сказать хану, что такъ будетъ поступлено и съ нимъ самимъ, тогда какъ до того времени князья будто бы встрѣчали пѣшіе ханскаго посла, бывшаго верхомъ, и слушали ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ; но этотъ разсказъ не заслуживаетъ довѣрія, какъ потому, что находится только въ «Сказаніе о землѣ царства казанскаго», источникѣ, составленномъ значительно позднѣе и вообще невысокой достовѣрности, такъ и потому, что извѣстныя грамоты Іоанна къ ханамъ и хановъ къ нему дѣлаютъ совершенно невозможнымъ предположеніе, чтобы существовали подобные обряды не только при Іоаннѣ, но уже при его дѣдѣ и отцѣ. Лѣтомъ 1480 г. войска Ахмата приблизились къ московскому княжеству; 16 апрѣля 1480 г. получилъ великій князь извѣстіе, что Ахматъ поднялся на него; немедленно же были высланы на Оку полки московскіе; 23 іюня и самъ Іоаннъ прибылъ къ войску въ Коломну; татары пришли къ Окѣ, когда ее уже охраняли русскіе. Видя, что тутъ переправа затруднительна и опасна, ханъ направился на западъ, чтобы пройдти черезъ земли своего союзника Казиміра и вторгнуться черезъ литовскую границу; къ тому же онъ ожидалъ и непосредственной помощи отъ Казиміра; но и московскіе рати пошли тоже на западъ и ранѣе татаръ заняли линію по р. Угрѣ, тогдашней границѣ Москвы и Литвы, и оберегали всѣ перевозы и броды. Однако, въ Москвѣ почему то опасались, что татары на этотъ разъ сдѣлаютъ особенныя усилія, чтобы прорваться мимо русскихъ войскъ, и потому стали приготовляться на случай появленія татаръ подъ столицею и ея осады. Самъ Іоаннъ пріѣхалъ во время этого перехода войска изъ Коломны въ Москву; разсказы лѣтописей о его поведеніи въ это время разногласятъ между собою: однѣ обвиняютъ его въ трусости, и разсказываютъ, что будто бы, когда Іоаннъ 30 сентября подъѣхалъ къ Москвѣ, въ то время, какъ жители перебирались изъ посадовъ въ городскія укрѣпленія, изъ толпы раздались голоса, говорившіе: «ты, государь великій князь, въ спокойное время строго нами правишь и дани берешь большія, а теперь, раздраживъ хана тѣмъ, что ему дани не платишь, оставляешь насъ на расправу татарамъ»; по словамъ того же лѣтописца въ Кремлѣ епископъ ростовскій Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя грозными укоризнами, называлъ его «бѣгуномъ», и вообще встрѣча была такова, что великій князь не рѣшился даже жить въ Москвѣ, а остановился въ Красномъ селѣ. Эти лѣтописи говорятъ, что сынъ великаго князя, Іоаннъ Молодой, не хотѣлъ ни за что послѣдовать примѣру отца и не ѣхалъ отъ войска, не смотря на настойчивое требованіе отца, не смотря даже на приказаніе, данное великимъ княземъ князю Холмскому, насильно отослать его въ Москву; наконецъ въ этихъ лѣтописяхъ читаемъ и самый непріязненный отзывъ о великой княгинѣ Софьѣ, которую Іоаннъ, вмѣстѣ съ сыномъ Василіемъ, отослалъ на сѣверъ; лѣтописецъ называетъ ее «римлянкой» и говоритъ, что тѣ мѣстности, черезъ которыя она прошла, пострадали болѣе, чѣмъ отъ татарскаго набѣга; самое поведеніе Іоанна объясняется вліяніемъ двухъ бояръ, Ощеры и Мамона, которыхъ будто бы князь великій слишкомъ слушался въ этомъ случаѣ и которые убѣждали его вспомнить судьбу его отца, какъ онъ попался въ плѣнъ казанцамъ, и не рисковать на сраженіе. Но въ другихъ лѣтописяхъ нѣтъ такого враждебнаго отношенія къ Іоанну; поведеніе его не представляется въ нихъ ни въ какомъ отношеніи недостойнымъ. Насколько мы можемъ судить о характерѣ Іоанна, мы знаемъ, дѣйствительно, что онъ не отличался безразсудною отвагою, но не можемъ никакъ сказать, чтобы онъ проявлялъ какую нибудь трусость. Были, вѣроятно, какія нибудь обстоятельства, оставшіяся намъ неизвѣстными, которыя дѣлали необходимымъ присутствіе Іоанна въ Москвѣ: дѣйствительно, только въ этотъ пріѣздъ Іоаннъ успѣлъ при посредствѣ матери, примириться съ братьями; на какія то несовсѣмъ обычныя обстоятельства указываетъ и то, что въ Москвѣ стали готовиться на случай осады, хотя самъ по себѣ набѣгъ татаръ въ этомъ году не представлялъ ничего особеннаго, а наконецъ и еще какое

то странное распоряженіе: великій князь перевелъ въ Переяславль, на случай осады, жителей Дмитрова, а въ Дмитровъ послалъ москвичей; быть можетъ лѣтопись, содержащая неблагопріятную для Іоанна версію разсказа, исходитъ изъ той партіи, которая впослѣдствіи сильно пострадала при опалѣ великой княгини Елены и сына ея, великаго князя Димитрія; на такое предположеніе наводятъ чрезвычайно рѣзкіе отзывы о Софьѣ, и очень мало вѣроятный разсказъ поведеніи великаго князя Іоанна Молодого, сына отъ перваго брака, столь выгодно, за то, рисующій его сравнительно съ отцомъ; неполная достовѣрность и недостаточная точность лѣтописной версіи, проявляющей большую недоброжелательность къ Іоанну, доказывается еще и тѣмъ, что по ея словамъ Іоаннъ жилъ въ селѣ Красномъ двѣ недѣли, тогда какъ по оффиціальнымъ даннымъ онъ пробылъ тутъ всего съ 30 сентября по 3 октября, и по лѣтописямъ же можно доказать, что 9 октября Іоанна уже не было въ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, Іоаннъ, прибывъ въ Москву, имѣлъ совѣщаніе съ матерью, митрополитомъ, боярами, достигъ полнаго примиренія съ братьями и черезъ 5 дней отправился снова къ войску; его провожали торжественно, съ крестами; Іоаннъ остановился въ Кременцѣ, въ 30 верстахъ отъ г. Медыни; сюда пришли къ нему со своими дружинами и братья; говорятъ, Іоаннъ посылалъ къ Ахмату съ мирными предложеніями, но соглашенія не состоялось; ни то, ни другое войско не рѣшалось переправляться въ виду непріятеля. Въ Кременцѣ Іоаннъ получилъ обширное и съ жаромъ написанное посланіе отъ Вассіана, убѣждавшаго его не уклоняться отъ битвы съ татарами; посланіе это представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ литературныхъ памятниковъ той эпохи. 26 октября стала Угра—вообще въ тотъ годъ зима наступила очень рано и была чрезвычайно сурова,—Іоаннъ приказалъ войскамъ отступить отъ берега Угры къ Кременцу, а затѣмъ отошелъ еще и къ Боровску, намѣреваясь, какъ говорятъ, тамъ дать битву татарамъ. Однако, Ахматъ не исполнилъ своей угрозы, что вторгнется въ московское княжество, когда станутъ рѣки; татары простояли на мѣстѣ до 11 ноября и затѣмъ вдругъ поспѣшно отступили, даже просто побѣжали; по дорогѣ они грабили земли своего же союзника, Казиміра; причины такого страннаго поведенія ихъ не разъяснены окончательно; вѣроятно, Ахматъ не рѣшался воевать противъ Іоанна одинъ, поджидалъ Казиміра, а Казиміръ, по своему обычаю, не двинулся, и татары, страдая отъ сильнѣйшихъ холодовъ, должны были поспѣшно удалиться; но во всякомъ случаѣ неосновательно извѣстіе, будто Ахмата отвлекло отъ Угры нападеніе на его улусы царя Нордоулата и одного изъ воеводъ великокняжескихъ: Ахматъ не торопился домой: онъ зимовалъ на устьяхъ Дона. Здѣсь 6 января 1481 г. напалъ на него неожиданно ханъ ногайской орды Ибакъ, собственноручно закололъ его соннаго и завладѣлъ всею добычею; Золотая орда распалась окончательно; Шигъ-Ахматъ съ послѣдними остатками ея остался въ степяхъ недалеко отъ Кіева, у устьевъ Десны; Литва теперь относилась къ ослабѣвшей ордѣ уже вовсе не дружелюбно. Когда Менгли-Гирей выступилъ съ большими силами, чтобы окончательно уничтожить своихъ давнихъ соперниковъ, отъ Шигъ Ахмата улусы одинъ за другимъ стали переходить къ крымцамъ; въ началѣ іюня 1502 г. произошла битва, остальные улусы были частью истреблены, частью взяты въ плѣнъ; Шигъ-Ахматъ успѣлъ спастись; Менгли-Гирей прислалъ посольство къ Іоанну, извѣстить его объ уничтоженіи Золотой орды и выпросить разныхъ подарковъ въ вознагражденіе трудовъ своей орды. Шигъ-Ахматъ, послѣ разныхъ скитаній у ногаевъ и у турокъ, умеръ въ заключеніи въ Литвѣ, гдѣ его задержали, чтобы имѣть постоянно въ рукахъ человѣка, освобожденіемъ котораго можно было бы стращать Менгли-Гирея. Такъ какъ ханъ Ахматъ, давно уже недовольный великимъ княземъ московскимъ и собравшій всѣ свои силы для нападенія на него, не отважился на это нападеніе, встрѣтивъ приготовленную къ защитѣ страны рать московскую, то происшедшее событіе всѣ современники разсматривали, какъ сверженіе ига, такъ долго тяготѣвшаго надъ русской землей; Іоанна при возвращеніи его въ Москву встрѣтили со всеобщимъ ликованіемъ и благословеніями, тѣмъ болѣе, что успѣхъ не стоилъ никакихъ жертвъ, и такимъ образомъ благоразумная осторожность Іоанна не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Крымъ.—Наиболѣе живыя и вмѣстѣ дру-

жественныя отношенія создались у Іоанна съ ханствомъ крымскимъ; но только ему и удалось жить съ Крымомъ въ мирѣ и даже пользоваться его силами для достиженія своихъ цѣлей; послѣ него крымцы являются не менѣе злыми врагами Руси, чѣмъ были и казанцы и золотоордынцы. Крымское ханство образовалось въ 1446 г. изъ нѣсколькихъ улусовъ, отдѣлившихся отъ Золотой орды; первымъ самостоятельнымъ ханомъ его былъ Ази-Гирей, основавшійся въ Крыму съ помощью Казиміра литовскаго; поэтому онъ постоянно враждовалъ съ Золотою ордою, дружилъ съ польско-литовскимъ государствомъ и не разъ нападалъ на московскую Русь. Въ 1467 г. Ази-Гирей умеръ и въ царствѣ его утвердился, послѣ многихъ смутъ и столкновеній между его дѣтьми, одинъ изъ нихъ Менгли-Гирей. Постоянно враждуя съ Ахматомъ, Менгли - Гирей въ 1474 г. прислалъ къ Іоанну посла, предлагая союзъ и дружбу; Іоаннъ, съ своей стороны, отыскивая помощниковъ для борьбы съ Казиміромъ, конечно, съ большимъ удовольствіемъ принялъ такія предложенія и съ этимъ же посломъ, 31 марта 1474 г. отправилъ своего посла, Беклемишева; онъ успѣлъ положить начало тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ между Москвою и Крымомъ, которыя сохранились во все правленіе Іоанна. Менгли-Гирей обыкновенно подъ разными предлогами просилъ у Іоанна даровъ для себя и своихъ первыхъ приближенныхъ; Іоаннъ удовлетворялъ его просьбамъ, но за то и Менгли-Гирей иногда по желанію Іоанна отказывался отъ притязаній на нѣкоторыя дани; при этомъ тонъ грамотъ и взаимныя обращенія въ посольскихъ рѣчахъ мало по малу пріобрѣтаютъ характеръ все болѣе и болѣе равноправный. Въ 1475 г. Крымъ былъ завоеванъ турками и Менгли - Гирей призналъ верховную власть султана; недовольный своимъ положеніемъ, опасаясь, какъ бы султанъ не задумалъ почему либо лишить его престола, Менгли Гирей просилъ у Іоанна, чтобы въ случаѣ нужды онъ оказалъ ему помощь. Іоаннъ отвѣчалъ: «Дай Богъ, чтобы тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и пріѣдешь ко мнѣ, то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ, царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ, лиха никакого не будетъ; добровольно пріидешь, добровольно прочь пойдешь, намъ тебя не держать; а сколько силы моей станетъ, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто». Въ 1476 г. Менгли-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма Ахматомъ, который посадилъ на его мѣсто Зенебека; но въ 1479 г. Менгли-Гирей вернулся съ турецкой помощью; тогда Зенебекъ съ двумя братьями бѣжалъ въ Москву и великій князь не выпускалъ ихъ никогда изъ предѣловъ своего княжества. Менгли-Гирей былъ женатъ на вдовѣ казанскаго хана Ибрагима, Нурсалтанъ, и послѣдовательно два сына ея занимали, по волѣ Іоанна, казанскій престолъ; впрочемъ, второй изъ нихъ, Абдылъ-Летифъ, былъ схваченъ русскими воеводами за какія то вины и даже заступничество Менгли-Гирея не облегчило его участи. Менгли-Гирей постоянно отвлекалъ силы Казиміра, когда это нужно было Іоанну, и враждовалъ съ Золотой ордой, Іоаннъ, въ свою очередь, не выпускалъ Нордоулата, котораго одинъ изъ Ахматовыхъ дѣтей, одно время даже господствовавшій въ Крыму, думалъ посадить вмѣсто Менгли-Гирея; ежегодныя взаимныя пересылки пословъ между Іоанномъ и Менгли-Гиреемъ почти не прекращались; особенныя услуги оказалъ Менгли-Гирей Іоанну во время войны его съ Александромъ: помимо того, что онъ уничтожилъ окончательно послѣдніе остатки Золотой орды, онъ причинилъ сильнѣйшій вредъ и Александру литовскому: его земли давно уже не испытывали такихъ страшныхъ раззореній, какія неоднократно производилъ въ нихъ Менгли-Гирей; онъ отодвинулъ далеко на западъ границу Польско - литовскаго государства сравнительно съ тѣмъ, какъ была она при Витовтѣ. Въ сношеніяхъ Іоанна съ Менгли-Гиреемъ произошелъ и слѣдующій случай, рисующій тогдашніе нравы и политику Іоанна: въ 1481 г. Тимофей Скряба, отправленный посломъ въ Крымъ, добился того, что Менгли-Гирей примирился съ Казиміромъ литовскимъ; но пока это устроилось и пока ханъ сообщилъ объ этомъ въ Москву, тамъ обстоятельства уже измѣнились, Іоаннъ снова желалъ, чтобы крымцы тревожили Литву и потому отправилъ туда новое посольство, которое отвезло въ Крымъ Скрябу, объявило отъ имени великаго князя, будто бы Тимофей дѣйствовалъ прежде тамъ въ противность даннымъ ему

наставленіямъ, выдало его головою хану и просило хана продолжать вражду съ Литвою. Но, впрочемъ, врядъ ли можно думать, чтобы Скрябу въ данномъ случаѣ постигли какія нибудь непріятности; крымцы вообще охотнѣе грабили Литву, чѣмъ изъ-за московскихъ отношеній соблюдали миръ съ этимъ сосѣдомъ; выдача Скрябы была, вѣроятно, такою чисто внѣшнею формальностью, какъ выдача головою обидчика впослѣдствіи при мѣстническихъ спорахъ.

Такъ дѣйствовалъ Іоаннъ относительно рускихъ земель, сохранившихъ еще самостоятельность, и боролся съ татарами и литовцами; но онъ велъ не мало и дружественныхъ сношеній съ западно-европейскими державами. При немъ впервые возобновились эти сношенія, надолго прерванныя тяжелымъ татарскимъ игомъ и усиленіемъ Польско-литовскаго государства. Первыми по времени и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе важными были при Іоаннѣ сношенія съ Римомъ, результатомъ которыхъ былъ бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ, а въ связи съ нимъ—и сношенія съ нѣкоторыми другими итальянскими государствами.

Бракъ съ Софьею Палеологъ. — Въ 1468 г., по совѣту кардинала Виссаріона, знаменитаго гуманиста и греческаго патріота, изъ Рима отправлены были Николо Джисларди и грекъ Георгій къ нѣкоему Джону-Баттистѣ делля-Вольпе, монетчику великаго князя, жившему въ Москвѣ и извѣстному въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ивана Фрязина; они прибыли въ Москву 11 февраля 1469 г. и привезли Іоанну отъ имени кардинала Виссаріона предложеніе вступить въ бракъ съ Зоей Палеологъ, племянницей послѣдняго константинопольскаго императора. Предложеніе это было, конечно, пріятно для національнаго самолюбія русскихъ; вѣроятно и самъ Іоаннъ не безъ удовольствія думалъ, что посредствомъ этого брака родъ его будетъ связанъ съ угасавшимъ родомъ византійскихъ императоровъ. Послѣ совѣта съ митрополитомъ Филиппомъ, матерью и боярами, Іоаннъ, 8 марта 1469 г., отправилъ Вольпе въ Римъ, поглядѣть невѣсту и привезти ея портретъ. Вольпе былъ очень хорошо принятъ въ Римѣ при папскомъ дворѣ, получилъ портретъ принцессы и 14 октября 1470 г. выѣхалъ обратно, съ двухлѣтнею охранною грамотою папы для свободнаго проѣзда черезъ всѣ католическія земли. 16 января 1472 г. онъ снова выѣхалъ изъ Москвы въ Италію; съ нимъ ѣхали и русскіе послы; грамота, данная имъ, была написана на имя папы Калликста, какъ, по дошедшимъ въ Москву слухамъ, звали папу, избраннаго на мѣсто Пія II, умершаго въ 1471 г.; будучи уже заграницей, русскіе послы узнали, что новаго папу зовутъ не Калликстомъ, а Сикстомъ; они не рѣшились возвращаться за новыми грамотами, а подчистили въ грамотахъ, замѣнили имя «Калликстъ» именемъ «Сикстъ» и продолжали путь. 24 мая 1472 г. созвано было папой собраніе кардиналовъ, сообщено имъ о приходѣ пословъ отъ Іоанна, князя «Бѣлой Россіи», сватающаго Зою; кардиналы соглашались на этотъ бракъ, принявъ во вниманіе, что митрополитъ русскій Исидоръ принялъ унію и что, слѣдовательно, «рутены» должны быть считаемы за «православныхъ». 25 мая послы были приняты папою, представили ему грамоты, поднесли дары, и папа выразилъ имъ согласіе на бракъ Зои съ Іоанномъ; есть основанія думать, что дѣло не встрѣтило никакихъ затрудненій въ вопросѣ о религіи жениха потому, что Вольпе ввелъ на этотъ счетъ папу въ заблужденіе и увѣрилъ его, что Іоаннъ согласится на полное подчиненіе Риму. 1 іюня 1472 г. совершено было въ базиликѣ св. Петра обрученіе Зои Іоанну, а уже на слѣдующій день папа высказалъ въ коллегіи кардиналовъ подозрѣнія въ истинѣ нѣкоторыхъ прежнихъ заявленій Вольпе и въ томъ, не переступилъ ли онъ отчасти данныхъ ему полномочій, потому что когда зашла рѣчь болѣе опредѣленно о вопросахъ вѣры и о походѣ противъ турокъ, въ чемъ сначала Вольпе общими выраженіями обнадеживалъ римскихъ политиковъ, то оказалось, что онъ не имѣлъ никакихъ положительныхъ прямыхъ предписаній и полномочій на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе, обрученіе уже состоялось и 24 іюня 1472 г. Зоя съ Вольпе и довольно многочисленною свитою отправились въ Москву; путь ея лежалъ черезъ Флоренцію, Болонью, Нюренбергъ; въ началѣ сентября принцесса сѣла въ Любекѣ, на корабль и моремъ пріѣхала въ Ревель, отсюда прибыла въ Дерптъ, гдѣ ее встрѣтили представители великаго князя; 11 октября суда, везшія Софью—какъ стала называться Зоя съ момента вступленія на русскую территорію — были въ устьѣ Эмбаха торжественно привѣтствованы псковичами; тор-

жественная встрѣча ожидала Софью и въ Псковѣ и въ Новгородѣ; 12 ноября Софья прибыла въ Москву, прежде всего зашла помолиться въ соборъ, отсюда прошла въ покои великой княгини Маріи Ярославны матери Іоанна; здѣсь встрѣтилъ свою нареченную Іоаннъ и въ тотъ же день совершено было ихъ вѣнчаніе, въ деревянномъ шатрѣ, поставленномъ внутри Успенскаго собора, который тогда перестраивался.

Этотъ бракъ имѣлъ довольно большое значеніе во внутренней исторіи Россіи за время правленія Іоанна. Объ этомъ сказано будетъ ниже, а пока остановимся на двухъ особыхъ обстоятельствахъ, связанныхъ отчасти съ этимъ бракомъ. Софью сопровождалъ легатъ папскій Бонумбре; повсюду онъ занималъ почетное мѣсто въ ея поѣздѣ и привлекалъ общее вниманіе своимъ пышнымъ и страннымъ для русскихъ костюмомъ. Во Псковѣ онъ заходилъ въ русскія церкви, но прикладывался къ православнымъ образомъ только по настоятельному требованію царевны. Приближаясь къ Москвѣ, легатъ приказалъ везти предъ собою въ особыхъ саняхъ свой латинскій крестъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить, что дѣлать съ этимъ легатомъ, какъ его принимать; одни говорили, что за отличный пріемъ, оказанный русскимъ посланцамъ въ Римѣ, надо и съ нашей стороны оказать легату особое вниманіе и сдѣлать уступки; но митрополитъ Филиппъ заявилъ, что не останется ни минуты въ городѣ, если легату папскому будетъ оказанъ такой почетъ, какой для православныхъ неприлично оказывать представителямъ латинства. Тогда Іоаннъ отправилъ боярина Θеодора Даниловича и онъ, встрѣтивъ поѣздъ царевны за 15 верстъ отъ Москвы, настоялъ, чтобы легатъ приказалъ убрать крестъ и въѣхалъ въ Москву безъ всякой особой торжественности, хотя при этомъ боярину пришлось преодолѣть упорное сопротивленіе легата и особенно Вольпе. Затѣмъ, по лѣтописному разсказу — очевидно, излагающему дѣло не безпристрастно — этотъ легатъ имѣлъ преніе о вѣрѣ съ митрополитомъ Филиппомъ и былъ совершенно посрамленъ русскимъ книжникомъ, знатокомъ Писанія, Никитой Поповичемъ, такъ что долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ споровъ, сославшись на то, что не имѣетъ съ собою необходимыхъ книгъ; вѣроятно, со стороны легата были сдѣланы какія либо попытки поднять вопросъ о вѣрѣ, несомнѣнно — никого ему не удалось убѣдить, и изъ этого факта затѣмъ создался такой разсказъ. Одновременно съ этимъ возникло въ Москвѣ другое, болѣе непріятное дѣло.

Сопровождавшій Вольпе въ его первомъ путешествіи въ Италію, племянникъ его Антоніо Джисларди, предложилъ Венеціи содѣйствіе свое и своего дяди для заключенія союза съ ханомъ Золотой орды, который, будто бы, готовъ былъ двинуться противъ турокъ, съ которыми тогда воевала Венеція, и могъ выставить до 200.000 войска. Не получая долго никакого отвѣта на свое предложеніе и считая это за признакъ недовѣрія, Джисларди предложилъ, чтобы съ нимъ былъ отправленъ уполномоченный республики, который бы убѣдился въ основательности представленнаго имъ плана. Венеціанская сеньерія назначила тогда своего секретаря, Джона Баттисту Тревизана, ѣхать съ Джисларди и завести сношенія съ Ахматомъ; со словъ Джисларди сеньерія думала, что самъ великій князь принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Но этого не было; все было задумано однимъ Вольпе. Прибывъ въ Москву, онъ не объявилъ никому о цѣли пріѣзда Тревизана, а назвалъ его своимъ племянникомъ; онъ надѣялся потомъ доставить ему случай проѣхать въ Орду, но прежде долженъ былъ снова ѣхать въ Италію за Софьей. Когда прибыла въ Москву Софья, кто то изъ ея спутниковъ раскрылъ московскому правительству, кто такой Тревизанъ, и какое дано было ему порученіе. По тогдашнимъ понятіямъ вообще безъ вѣдома государя не должны были бывать въ государствѣ иностранцы; а съ Золотою ордою какъ разъ все это время (1470—1472) у Іоанна были отношенія далеко не дружественныя, поэтому — ѣхать безъ вѣдома великаго князя черезъ Москву въ Золотую орду съ цѣлью искать союза — было принято за оскорбленіе для ея Іоанна. Онъ страшно разгнѣвался, Вольпе приказалъ заключить въ тюрьму, въ Коломну, все имущество его отобрать, а Тревизана хотѣлъ было прямо казнить и помиловалъ только по просьбамъ спутниковъ Софьи. Тотъ самый Джисларди, объ участіи котораго въ этомъ дѣлѣ Іоаннъ ничего не зналъ, повезъ въ Венецію грамоту великаго князя, гдѣ тотъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу такого поведенія республики. Отвѣтъ республики, написан-

ный въ очень почтительныхъ выраженіяхъ, вполнѣ удовлетворилъ Іоанна, разъяснилъ ему въ чемъ дѣло и Тревизанъ въ 1474 г. былъ отпущенъ въ Золотую орду съ русскимъ посломъ, дьякомъ Дмитріемъ Лазаревымъ и посломъ Ахмата, возвращавшимся въ Сарай. Съ извѣщеніемъ объ этомъ былъ отправленъ 24 іюля 1474 г. въ Венецію Семенъ Толбузинъ; ему поручено было кромѣ того привезти въ Москву искуснаго зодчаго; Толбузинъ исполнилъ это порученіе; вслѣдъ за нимъ и еще появились въ Москвѣ разные итальянцы мастера; о нихъ сказано будетъ нѣсколько далѣе.

Сношенія съ западной Европой и Турціей.—Въ 1486 г. начались первыя сношенія Іоанна съ императоромъ. Въ этомъ году явился въ Москву рыцарь Николай Поппель, путешествовавшій изъ любознательности съ охранною грамотою отъ императора Фридриха III. Въ Москвѣ онъ возбудилъ нѣкоторое удивленіе своимъ прибытіемъ; думали было, не подосланъ ли онъ для тайнаго развѣдыванія королемъ польскимъ; однако Поппель былъ отпущенъ безъ задержекъ. Возвратившись въ Германію, онъ сообщилъ, что за Польшею лежитъ другая Русь, вовсе не подвластная польскому королю и даже пожалуй еще болѣе обширная и могущественная. Въ 1489 г. Поппель вернулся въ Москву уже въ качествѣ посла отъ императора, заявилъ о желаніи императора быть въ дружбѣ съ великимъ княземъ и предлагалъ, чтобы дочь Іоанна была выдана за маркграфа баденскаго, племянника императора; затѣмъ онъ лично Іоанну сообщилъ, что до императора дошли слухи, будто-бы онъ, Іоаннъ, ищетъ, отъ папы королевскаго титула; Поппель говорилъ, что не папа даетъ этотъ титулъ, а только императоръ, и что императоръ охотно дастъ Іоанну титулъ короля. На это дьякъ Курицынъ отъ имени великаго князя отвѣчалъ 31 января 1489 г., что Іоаннъ не нуждается въ поставленіи отъ императора, такъ какъ русскіе государи—государи изначала и поставленіе свое имѣютъ отъ Бога. 22 марта 1489 г. съ Поппелемъ изъ Москвы отправленъ къ императору посолъ Юрій Траханіотъ, который долженъ былъ сообщить, что Іоаннъ готовъ быть въ дружбѣ и братствѣ съ императоромъ, а относительно сватовства за дочь великаго князя заявить, что выдать ее за маркграфа неприлично, но что Іоаннъ готовъ отдать дочь за Максимиліана, цесарева сына; вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ долженъ былъ приглашать для переѣзда въ московское государство разныхъ искусныхъ мастеровъ. Съ Траханіотомъ прибылъ въ Москву 16 іюля 1491 г. посолъ сына цесарева Максимиліана, Юрій Делаторъ, (фонъ-Турнъ), который предложилъ Іоанну союзъ съ императоромъ противъ польскаго короля и завелъ рѣчь о сватовствѣ Максимиліана на дочери Іоанновой; съ московской стороны предъявлены были требованія, чтобы русской княжнѣ предоставлена была полная свобода въ исповѣданіи православной вѣры, разговоры же о размѣрѣ приданаго были отклонены, какъ неприличные между великими государями. 19 августа Делаторъ поѣхалъ изъ Москвы обратно и съ нимъ русскіе послы—Юрій Траханіотъ и дьякъ Василій Кулешинъ; они везли грамоту Іоанна, въ которой онъ обѣщался помогать императору противъ Казиміра польскаго, если тотъ будетъ препятствовать Максимиліану въ достиженіи венгерской короны, и требовалъ, чтобы и императоръ помогалъ Москвѣ противъ Казиміра, когда Іоаннъ станетъ отбирать у него свои земли. Траханіотъ привезъ въ Москву (30 августа 1491 г.) подобную же грамоту отъ императора; но дѣло о сватовствѣ прекратилось, потому, что Максимиліанъ уже женился на принцессѣ бургундской. Во время отсутствія изъ Москвы этого посольства, 1 сентября 1490 г. въ Москву пріѣзжалъ человѣкъ Поппеля, Иванъ Саедръ, съ грамотой и поминками великому князю. Въ грамотѣ Поппель просилъ прислать для императора трехъ или четырехъ лосей и одного «гулятина, которые ѣдятъ сырое мясо»; результатъ этой обсылки неизвѣстенъ; гонецъ выѣхалъ обратно 9 сентября. 20 ноября 1491 г. снова пріѣхалъ въ Москву Делаторъ просить о помощи противъ Польши и о принятіи Іоанномъ подъ свое покровительство орденовъ тевтонскаго и ливонскаго. Іоаннъ отвѣчалъ, что Максимиліанъ самъ уже примирился съ Казиміромъ, уступивъ почти безъ борьбы венгерскій престолъ его сыну Владиславу, и что Іоаннъ тогда двинется на помощь, когда Максимиліанъ самъ всѣми силами будетъ бороться съ Польшею; относительно же рыцарскихъ орденовъ отвѣчали, что съ ними будетъ поступлено сообразно съ тѣмъ, какое челобитье пришлютъ они въ Москву. Такой же отвѣтъ долженъ былъ дать императору и Траханіотъ, который 6 мая 1492 г.

отправленъ былъ къ императору въ сопровожденіи Михаила Яропкина. Но становилось очевиднымъ, что сношенія Москвы съ имперіей не получаютъ никакого политическаго значенія; болѣе уже и не было настоящихъ оффиціальныхъ посольствъ; въ сентябрѣ 1492 г. въ Москву пріѣзжалъ нѣкій Снупсъ, желавшій выучиться по-русски и совершить путешествія въ отдаленнѣйшіе края московской земли; онъ имѣлъ рекомендательную грамоту отъ Максимиліана и его приняли ласково, но затѣмъ не пустили далѣе, подъ предлогомъ, что проѣздъ въ такія отдаленныя мѣста слишкомъ опасенъ; въ 1504 г. прибылъ отъ Максимиліана нѣкій Кантингеръ, который имѣлъ незначительное дипломатическое порученіе и вмѣстѣ долженъ былъ попросить у Іоанна бѣлыхъ кречетовъ; эта просьба была удовлетворена; пріѣздъ Кантингера былъ послѣднимъ въ ряду сношеній императора съ Іоанномъ.

Въ 1485 г. начались у Іоанна сношенія съ Венгріею. Знаменитый Матвѣй Корвинъ, тогдашній король венгерскій, прислалъ къ Іоанну посольство, съ предложеніемъ дружбы и союза; Іоаннъ принялъ эти предложенія благосклонно и отправилъ къ Матвѣю со своей стороны дьяка Ѳедора Курицына; онъ просилъ у венгерскаго короля присылки разныхъ мастеровъ, обѣщаясь со своей стороны служить королю всѣмъ, чѣмъ представится случай; въ 1487 г. Іоаннъ сообщалъ Матвѣю о совершившемся присоединеніи Твери и просилъ его двинуться на Польшу; однако, Матвѣй отклонилъ это приглашеніе, обѣщая выступить въ походъ, когда самъ Іоаннъ двинется болѣе рѣшительно; въ 1488 г. Іоаннъ отправилъ Матвѣю нѣсколько цѣнныхъ подарковъ; смерть Матвѣя пресѣкла эти сношенія.

Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, возвращаясь отъ Матвѣя Корвина въ 1487 г., былъ задержанъ въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ) турками; стараніями Менгли-Гирея и Матвѣя Корвина онъ былъ вскорѣ освобожденъ; турецкіе паши намекнули ему, что слѣдовало бы Іоанну вступить въ сношенія и съ султаномъ турецкимъ; однако, на этотъ разъ сношенія не начались, хотя Іоаннъ, справившись черезъ посредство крымскаго хана и получилъ благопріятный для нихъ начала отвѣтъ, отъ турецкихъ пажей; впервые Іоаннъ черезъ того же Менгли-Гирея отправилъ къ султану грамоту въ 1492 г., съ жалобами, что русскіе купцы подвергаются притѣсненіямъ и обидамъ въ Кафѣ и Азовѣ и съ предложеніемъ завести взаимныя сношенія. Султанъ, получивъ грамоту Іоанна, отправилъ и своего посла въ Москву; который долженъ былъ пріѣхать съ посольствомъ великаго князя, возвращавшимся отъ Менгли-Гирея; но въ Кіевѣ, по приказанію Александра литовскаго, посольство было задержано. Просьба Іоанна, чтобъ посолъ былъ пропущенъ, не была исполнена, подъ тѣмъ предлогомъ, что прежде турецкіе послы не ходили черезъ литовскую землю и что по пути они будутъ ее «пересматривать». Не дождавшись этого посла, Іоаннъ весною 1497 г. отпустилъ въ Константинополь Михаила Плещеева; это былъ первый русскій посолъ у султана; Плещеевъ, сообразно данному ему наказу, держался въ Царьградѣ очень самостоятельно, добился того, что велъ дѣло прямо съ султаномъ, а не съ пашами, такъ что султанъ остался даже не очень доволенъ его поведеніемъ; но всетаки онъ сдѣлалъ просимыя Іоанномъ распоряженія о торговлѣ и она возобновилась; въ 1501 г. Іоаннъ посылалъ еще своего посла къ кафинскому намѣстнику.

Въ послѣдніе годы XV вѣка Іоаннъ велъ кратковременную войну со Швеціей; начать ее онъ обязанъ былъ союзомъ съ Даніей, король которой добивался шведской короны. Въ 1496 г. русскіе осаждали Выборгъ, но не могли его взять; въ 1497 г. русскіе дошли, опустошая все по пути, до Тавасгуста и нанесли значительное пораженіе шведскому войску, а кромѣ того, моремъ, изъ устьевъ Сѣверной Двины, напали на шведскіе берега и опустошили ихъ. Въ томъ же году шведское войско осадило и заняло Иванъ-городъ; но вскорѣ шведы удалились; датскій король достигъ своей цѣли, занялъ шведскій престолъ и война прекратилась, повидимому, безъ всякихъ результатовъ для Іоанна. Іоаннъ былъ еще постоянно въ союзѣ съ воеводой молдавскимъ Стефаномъ IV, такъ называемымъ Великимъ. Начало сношеній между ними относится къ 1480 г.; одинъ изъ спутниковъ кн. Ивана Звѣнца, ѣздившаго посломъ въ Крымъ, отвезъ къ Стефану предложеніе выдать его дочь за старшаго сына великаго князя. Въ 1482 г. Іоаннъ породнился со Стефаномъ, женивъ сына своего, Іоанна Молодого на дочери Стефана, Еленѣ. Стефанъ очень дорожилъ

дружбой Іоанна, потому что благодаря ей былъ спокоенъ со стороны Менгли-Гирея, прежде обнаруживавшаго намѣренія овладѣть его землею, и за это, со своей стороны, постоянно отвлекалъ силы государства Польско-литовскаго, когда это было нужно Іоанну. Въ 1491 г. Іоаннъ содѣйствовалъ примиренію Стефана съ Максимиліаномъ, королемъ римскимъ; въ 1499 г. удаленіе Елены и ея сына Димитрія охладило на время дружбу Іоанна и воеводы молдавскаго; но Менгли-Гирей, по порученію Іоанна, увѣрилъ Стефана, что свѣдѣнія о положеніи Елены, сообщенныя ему Александромъ литовскимъ, сильно преувеличены и Стефанъ снова напалъ на Литву и передъ смертью своею нанесъ Литвѣ такіе сильные удары, какихъ не наносилъ и прежде (онъ умеръ въ 1504 г.). Помимо этихъ сношеній Іоаннъ обмѣнивался еще посольствами съ ногайскою и тюменскою ордою; есть извѣстіе, что какой то посолъ его, Маркъ, былъ въ Персіи, но подробности этого посольства неизвѣстны; въ 1490 г. къ Іоанну приходило посольство отъ джагатайскаго или хорасанскаго хана, а въ 1492 г.— отъ грузинскаго князя Александра.

Внутренняя дѣятельность Іоанна III.— Такова была, въ главныхъ чертахъ, дѣятельность Іоанна въ области внѣшней политики. Ей Іоаннъ посвящалъ наибольшее вниманіе и, какъ мы видимъ, достигъ значительныхъ успѣховъ. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его дѣятельности по внутреннему устройству и управленію государствомъ.

Объединяя русскую землю путемъ присоединенія къ московскому княжеству отдѣльныхъ земель, Іоаннъ позаботился и закрѣпить это соединеніе; для этого онъ выводилъ изъ вновь присоединенныхъ областей извѣстную часть жителей въ области, изстари московскія, а на мѣсто выселенныхъ посылалъ переселенцевъ изъ этихъ областей. Такая мѣра была неоднократно примѣнена къ Новгороду, также къ Перми, Вяткѣ; изъ Тверской области жители сами до присоединенія переходили въ московскую; подобнымъ же образомъ дѣйствовало московское правительство и при сынѣ и внукѣ Іоанна. Эта мѣра, конечно, была непріятна тѣмъ мѣстностямъ, откуда такихъ переведенцевъ брали, но она достигала своей цѣли. Окончивъ свои присоединенія, Іоаннъ счелъ необходимымъ дать общія правила для суда и отчасти для управленіи. Такимъ образомъ явился Судебникъ, составленный по повелѣнію великаго князя дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ; онъ былъ утвержденъ великимъ княземъ, его дѣтьми и боярами и получилъ силу закона съ сентября 1497 г., тогдашняго начала новаго года. Въ основу этого Судебника положены уставныя грамоты, отчасти «Русская Правда», нѣсколько статей заимствовано изъ Двинской, и изъ Псковской судныхъ грамотъ. Главное содержаніе Судебника—опредѣленіе кто и какъ судитъ и сколько получаетъ за судъ; право суда признано за намѣстниками и волостелями, но съ непремѣннымъ условіемъ участія въ судѣ земскихъ представителей—дворскаго, старосты и «лучшихъ» людей; намѣстники Новгорода, Твери, Нижняго-Новгорода, и нѣкоторыхъ другихъ городовъ имѣли право суда и окончательнаго рѣшенія по дѣламъ болѣе важнымъ, чѣмъ намѣстники другихъ городовъ, которые свои рѣшенія въ подобныхъ случаяхъ должны были представлять на утвержденіе великаго князя. Доказательствами Судебникъ признаетъ письменные акты, показанія свидѣтелей и судебные поединки, такъ называемое «поле»; въ качествѣ наказанія являются смертная казнь, тѣлесныя наказанія и денежныя пени; тяжущіеся платятъ судьямъ опредѣленныя пошлины; постановленій гражданскаго характера — о наслѣдствѣ, куплѣ—продажѣ, о займахъ, и т. п. — въ этомъ Судебникѣ очень мало; новостью въ немъ является статья, запрещающая отказывать въ правосудіи; но вообще по полнотѣ и построенію этотъ законодательный памятникъ стоитъ значительно ниже Псковской Судной грамоты. Его положенія должны были быть неоднократно объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ городахъ и селахъ на торговыхъ площадяхъ во время торга; но онъ не уничтожалъ и не отмѣнялъ многочисленныхъ отдѣльныхъ частныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ суда для разныхъ отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльныхъ группъ жителей: судъ по Судебнику долженъ былъ совершаться только въ томъ случаѣ, когда такой спеціальной грамоты не было. Ко времени же Іоанна относится Бѣлозерская таможенная грамота, сообщающая намъ любопытныя свѣдѣнія о порядкахъ тогдашней торговли и о связанныхъ съ нею пошлинахъ. Вообще въ дѣлѣ внутренняго управленія Іоаннъ не внесъ ничего особенно важнаго новаго; мы только знаемъ точнѣе и

лучше о многихъ фактахъ и явленіяхъ внутренняго положенія Руси съ его времени, благодаря тому, что отъ этой эпохи дошло до насъ болѣе памятниковъ. Областное управленіе по прежнему совершалось посредствомъ назначенія въ города намѣстниковъ, а въ села и волости волостелей; они управляли извѣстною областью, судили тамъ и взамѣнъ этого получали доходы съ управляемыхъ, «кормились», отчего и самое названіе ихъ—«кормленщики»; въ управленіи черезъ намѣстниковъ смѣшаны начало государственное — управленіе извѣстною группою людей, и частное—полученіе извѣстнымъ человѣкомъ доходовъ; помощниками кормленщиковъ въ управленіи являлись тіуны и доводчики; отношенія ихъ къ управляемымъ опредѣлялись отчасти уставными грамотами, а еще болѣе—обязательствомъ дѣйствовать по старинѣ, сохранять изстари сложившіяся отношенія. Главное значеніе намѣстничьяго управленію состояло въ томъ, что черезъ него сохранялась болѣе прочная связь провинцій съ центромъ, съ государствомъ; обыкновенно намѣстниковъ довольно часто перемѣняли, но извѣстенъ случай, что представители одной и той же фамиліи непрерывно назначались намѣстниками съ одной мѣстности (въ Мещерѣ) въ теченіе почти всего XV в. и большей половины XVI в.; впрочемъ, въ самое послѣднее время высказано сомнѣніе въ подлинности тѣхъ актовъ, которые намъ объ этомъ сообщаютъ; не рѣдко случалось, что князья прежде самостоятельные, но добровольно подчинявшіеся московскому великому князю, были назначаемы намѣстниками въ ихъ бывшихъ самостоятельныхъ удѣлахъ, гдѣ они сохраняли при этомъ большія земельныя владѣнія; извѣстно, что еще въ XVI в. князья Воротынскіе, Одоевскіе и другіе владѣли огромными пространствами земель въ своихъ прежнихъ удѣлахъ. Совершенно естественно, конечно, что далеко не всѣ знатные, богатые, родовитые бояре великаго князя смотрѣли съ удовольствіемъ или хотя бы даже спокойно, на такое усиленіе его власти, какое постоянно совершалось и которое несомнѣнно должно было раньше или позже кореннымъ образомъ измѣнить ихъ взаимныя отношенія съ великимъ княземъ. Мы видѣли уже, на примѣрѣ князя Оболенскаго-Лыко, что Іоаннъ не былъ склоненъ признавать во всей широтѣ права отъѣзда, права, которое прежніе князья признавали за своими слугами безусловно. Правда, что съ уменьшеніемъ числа самостоятельныхъ русскихъ княжествъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ Москвѣ, отъѣздъ становился возможнымъ почти только къ исконнымъ врагамъ Москвы—почти только въ государство Польско-литовское, но Іоаннъ, во всякомъ случаѣ, круто и рѣшительно высказался противъ права отъѣзда. Съ его времени начинается рядъ записей, которыми разные знатные, видные бояре обязывались ни къ какому другому государю отъ великаго князя московскаго не отъѣзжать, причемъ обыкновенно за каждаго боярина, съ котораго великій князь считалъ необходимымъ взять запись, являлись поручителями митрополитъ и большое число другихъ бояръ, отвѣчавшихъ въ случаѣ его отъѣзда каждый опредѣленною, довольно большою, суммою денегъ. Между боярами въ правленіе Іоанна первое мѣсто занимали князья Патрикѣевы, Ряполовскіе, Оболенскіе, вступившіе на московскую службу еще при отцѣ или дѣдѣ Іоанна, и князья Холмскіе, бывшіе прежде удѣльными тверскими; кн. Даніилъ Холмскій одержалъ Іоанну нѣсколько знаменитыхъ побѣдъ, и за сына его, кн. Василія, была выдана вторая дочь Іоанна, Ѳеодосія; эти князья, являвшіеся въ Москву обыкновенно со своими прежними удѣлами, занимали при дворѣ великокняжескомъ мѣста́ выше старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, изъ которыхъ только Кошкины сохранили почти равное положеніе съ ними. Ко времени Іоанна относятся первыя такія указанія источниковъ, которыя даютъ поводъ предполагать, что уже подготовлялось основаніе Приказовъ, т. е. что начинался переходъ отъ управленія посредствомъ отдѣльныхъ лицъ къ управленію черезъ учрежденія.—Административное дѣленіе во владѣніяхъ Іоанна сохранялось прежнее; общимъ было дѣленіе на уѣзды, уѣзды дѣлились на волости и станы, причемъ это послѣднее дѣленіе не было всюду единообразно: въ однихъ мѣстностяхъ волости подраздѣлялись на станы, въ другихъ—станы на волости. Для взиманія государственныхъ податей уже тогда существовала система, болѣе обстоятельно извѣстная намъ отъ XVI и XVII в., именно дѣленіе на сохи: для исполненія извѣстной, заранѣе опредѣленной, суммы различныхъ повинностей уѣздныя земли распредѣлялись на такъ называемыя «сохи»; каждая

такая соха платила или исполняла одинаковое, равное количество податей; но различіе между землями разныхъ разрядовъ установлялось тѣмъ, что на соху полагалось однихъ земель меньшее пространство, а другихъ большее; именно, на соху полагалось меньшее пространство тѣхъ земель, которыя должны были нести болѣе податей, и большее пространство такихъ, съ которыхъ податей собиралось менѣе; такимъ образомъ, по количеству земли наименьшею являлась соха черныхъ крестьянъ, какъ исполнявшихъ повинности единственно по отношенію къ государству, а наибольшей — соха земель помѣстныхъ, какъ назначенныхъ спеціально на содержаніе служилыхъ людей. Качество земель, ихъ доходность, такъ же принимались въ разсчетъ: чѣмъ земля была хуже, бѣднѣе, тѣмъ больше ея полагалось на соху. Крестьяне между собою уже сами распредѣляли повинности, соотвѣтсвенно численному составу и состоятельности отдѣльныхъ семей. Даже городскія оброчныя статьи, какъ, напримѣръ, лавки и вообще городскіе дворы, раскладывались такъ же по сохамъ, при чемъ сохѣ приравнивалось опредѣленное количество дворовъ, большее или меньшее тоже въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій. Ко времени Іоанна относятся и первыя дошедшія до насъ описанія земель; древнѣйшія изъ нихъ, описанія земель Новгородской области, сдѣланы въ 1495 г.; лѣтописи сообщаютъ, что уже въ 1492 г. тверскія земли описаны были «по-московски въ сохи»; описаніе 1495 г. для нѣкоторыхъ мѣстностей являлось уже не первымъ. Можно находить довольно близкую аналогію между установившеюся въ московскомъ государствѣ въ XV—XVII в.в. системою и системой, издревле примѣнявшейся въ Византійской имперіи, но трудно прослѣдить тотъ путь, какимъ проникли византійскіе порядки этого дѣла въ Москву.

Крестьяне въ правленіи Іоанна оставались приблизительно въ прежнемъ положеніи; отношеніе ихъ ко владѣльцамъ земель, на которыхъ они сидѣли, продолжало развиваться и опредѣляться въ установившемся уже направленіи: все болѣе и болѣе признавалось нормальнымъ, чтобы земледѣлецъ не имѣлъ возможности и права слишкомъ легко, по собственному только желанію, мѣнять свое мѣсто жительства. Уже при великомъ князѣ Василіѣ Васильевичѣ нѣкоторые монастыри получили право не выпускать своихъ крестьянъ иначе, какъ въ опредѣленный срокъ, именно около осенняго Юрьева дня, и даже вовсе ихъ не выпускать. По Судебнику 1497 г. всѣ вообще крестьяне получили право выходить изъ-за прежнихъ владѣльцевъ, «отказываться» изъ волости въ волость и изъ села въ село только въ теченіе двухъ недѣль въ году, за недѣлю до осенняго Юрьева дня (26 ноября) и въ теченіи недѣли послѣ него, и притомъ установлена была за всякій выходъ извѣстная плата въ пользу владѣльца двора. Дальнѣйшее развитіе этихъ отношеній мало по малу привело, какъ извѣстно, къ полному закрѣпощенію крестьянъ.

Вообще, въ правленіе Іоанна собственно Московское княжество было все время спокойно и, вѣроятно, увеличило свое богатство. Оно не подвергалось никакимъ нашествіямъ или опустошеніямъ; только восточныя окраины были нѣсколько разъ тревожимы казанцами, да на югѣ два раза подходилъ Ахматъ, но ему не удалось проникнуть внутрь Московскаго княжества; центральныя части великаго княжества были спокойны отъ внѣшнихъ враговъ и только физическія бѣдствія нѣсколько разъ постигали ихъ: въ 1463—1464 гг. свирѣпствовалъ въ Москвѣ голодъ и съ нимъ моръ; страшный моръ постигъ сѣверъ тогдашней Руси въ 1467 г.; во Псковѣ онъ продолжался въ 1465—1466 гг., затѣмъ возобновился въ 1485 г.

Іоанну III принадлежитъ починъ въ украшеніи Москвы многими замѣчательными постройками. И возраставшее богатство великаго князя, и усиливавшееся его могущество, для котораго казалась необходимою и болѣе великолѣпная обстановка, побуждали къ этому Іоанна. Уже въ самые первые годы его правленія у него на службѣ были нѣкоторые иностранные ремесленники; такъ, дѣло о сватовствѣ Іоанна къ Софьѣ Палеологъ велось черезъ Джана Баттисту Вольпе (Иванъ Фрязинъ русскихъ лѣтописей), итальянца-монетчика великаго князя московскаго. Послѣ того какъ по дѣлу объ этомъ бракѣ Москва обмѣнялась нѣсколькими посольствами съ Римомъ, довольно часто стали появляться въ Западной Европѣ посольства изъ Москвы; политическіе вопросы затрогивались ими почти исключительно въ Вѣнѣ и касались дѣлъ съ Польшею и Литвою; въ сношеніяхъ съ папою они давали неопредѣленныя обѣща-

нія вступить въ союзъ противъ турокъ; главною же ихъ цѣлью было приглашеніе въ Москву разныхъ мастеровъ, рабочихъ, артистовъ, даже докторовъ. При Іоаннѣ появились въ Москвѣ первые рудознатцы, Иванъ и Викторъ, которые начали добывать на Руси свое серебро, рядъ докторовъ, первый «органный игрецъ», капланъ бѣлыхъ августинцевъ, Иванъ Спаситель (очевидно Salvator); говорятъ, въ сношеніяхъ съ Даніей былъ затронутъ вопросъ о приглашеніи въ Москву мастеровъ печатнаго дѣла, только что сдѣлавшагося извѣстнымъ и въ самой Европѣ. Наиболѣе удачно было приглашеніе въ Москву Рудольфа Фіораванти дельи Альберти, извѣстнаго подъ именемъ Аристотеля; онъ пріѣхалъ въ Москву съ русскимъ посломъ Семеномъ Толбузинымъ въ 1474 году; Аристотель былъ знаменитъ по всей Италіи своимъ искусствомъ въ разныхъ художествахъ, особенно въ архитектурѣ; получивъ одновременно приглашенія отъ султана Баязета и Іоанна III, онъ отдалъ предпочтеніе Москвѣ и пріѣхалъ со своимъ сыномъ Андреемъ и ученикомъ Петромъ Соляри; по условію онъ получалъ жалованья въ мѣсяцъ десять рублей серебра (около двухъ фунтовъ по вѣсу), сумму, по тогдашнему времени очень значительную. Въ 1490 г. множество каменьщиковъ, оружейниковъ, литейщиковъ и пр., а такъ же докторъ Леонъ Жидовинъ, извѣстный своею трагическою смертью, были приведены въ Москву братьями Дмитріемъ и Мануиломъ Ралевыми, греками по происхожденію, отправленными изъ Москвы послами въ 1488 г. Въ 1494 г. привезли въ Москву новую партію мастеровъ послы Мануилъ Докса и Данило Мамыревъ; въ числѣ ихъ спутниковъ были оружейный мастеръ Пієтро и архитекторъ Алевизъ.— Аристотель Фіорованти построилъ въ 1479 г. въ Москвѣ Успенскій соборъ въ томъ самомъ видѣ, какъ существуетъ онъ понынѣ; затѣмъ итальянскими же мастерами былъ выстроенъ Благовѣщенскій соборъ; Петръ Антоніо Соляри закончилъ къ 1491 г. такъ называемую Грановитую палату; въ 1499 г. Алевизъ началъ строить каменныя царскія палаты, такъ называемый Теремный дворецъ. Въ теченіе 1485—1492 гг. были выстроены разными мастерами шесть каменныхъ башень въ Кремлевской стѣнѣ; въ 1505 г., еще при жизни Іоанна, былъ заложенъ въ Москвѣ Архангельскій соборъ, на мѣстѣ древняго храма, существовавшаго еще со временъ Калиты и разобраннаго для возведенія новаго храма; Аристотель, помимо своего строительства, чеканилъ еще монету, лилъ колокола и пушки; особенно большую пушку отлилъ въ 1488 г. Павелъ Дебосисъ; она въ свое время называлась Царь-пушкою, такъ же какъ и нынѣ существующая (отлитая въ 1686 г. мастеромъ Андреемъ Чоховымъ).

Извѣстно, какое сильное вліяніе на умы современниковъ произвело взятіе турками Константинополя въ 1453 г. При тогдашнемъ господствѣ религіознаго міросозерцанія такой фактъ, какъ переходъ столицы православнаго Востока въ руки мусульманъ, производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Появилось немедленно же множество литературныхъ произведеній, трактовавшихъ объ этомъ событіи; эти произведенія привлекали большое вниманіе русскихъ читателей и мало по малу въ нихъ начала выдвигаться мысль, что съ паденіемъ Византіи первенствующая роль въ христіанствѣ перешла къ Москвѣ и что Москва должна быть представительницею всего православнаго міра; бракъ Іоанна съ Софьею Палеологъ долженъ былъ придать еще новыя основанія признавать въ Москвѣ преемницу всемірнаго значенія Царьграда. Но два обстоятельства мѣшали дальнѣйшему развитію идеи объ этомъ возрастающемъ значеніи Москвы. Во первыхъ, сама Москва была еще подъ властью татарскихъ хановъ, во вторыхъ—по существовавшему въ то время убѣжденію съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, т. е. въ 1492 г. отъ Р. Х., долженъ былъ наступить конецъ міра. Это мнѣніе было общераспространеннымъ въ Московской Руси и отголоски его ясно видны какъ въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ замѣткахъ, такъ даже и въ нѣсколькихъ дѣловыхъ актахъ: за нѣкоторое время до 1492 г. замѣчается, что этотъ годъ все чаще и чаще ставится предѣльнымъ срокомъ разнаго рода условій и обязательствъ. Но татарское иго свергнуто; прошелъ и 1492 годъ, не принеся никакихъ существенныхъ измѣненій. Между тѣмъ успѣхи Московскаго княжества, ростъ его силы, значенія и славы—факты уже неоспоримые. И вотъ, въ новой пасхаліи, составленной митрополитомъ Засимою для годовъ, слѣдующихъ за 1492 г., на которые прежде даже и пасхаліи не существовало, читаемъ, что нынѣ «просла-

вилъ Богъ въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константинову — Москвѣ, и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя». Это есть, сколько извѣстно, первое ясное выраженіе мысли, что прежнее значеніе Византіи, какъ столицы всего православнаго міра, перенесено на Москву. Извѣстно, что въ скоромъ времени, въ первой же четверти XVI вѣка, эта идея получила вполнѣ опредѣленную формулировку въ посланіяхъ старца Филофея, что впослѣдствіи такое воззрѣніе стало однимъ изъ факторовъ, опредѣлявшихъ все міросозерцаніе русскихъ людей въ XVI и XVII вѣкахъ; и если нельзя не признать, что именно паденіе Константинополя дало для этого первый поводъ, то несомнѣнно, что полное великихъ событій правленіе Іоанна III много содѣйствовало тому, что такая идея получила въ Московской Руси и полное развитіе и большое распространеніе.

Дѣла церковныя. — Вопросы просвѣщенія и нравственности въ правленіи Іоанна III стояли, конечно въ ближайшей связи съ дѣятельностью духовенства. Стремленіе къ упорядоченію жизни церковнослужителей, выступавшее не разъ и прежде, вызвало во Псковѣ въ самомъ началѣ правленія Іоанна, рѣшеніе отстранить отъ богослуженія всѣхъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ; архіепископъ новгородскій Іона хотѣлъ отмѣнить это рѣшеніе, но митрополитъ Ѳеодосій одобрилъ дѣйствія псковичей; самъ онъ строго слѣдилъ за жизнью священниковъ, не одобрялъ получавшаго слишкомъ большое распространеніе обычая, чтобы чуть не всякій состоятельный человѣкъ строилъ себѣ особую церковь; строгость Ѳеодосія вообще во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ вызвала противъ него неудовольствіе; и митрополитъ, послѣ того, какъ перенесъ тяжелую болѣзнь, 13 сентября 1464 г., оставилъ митрополію и жилъ до смерти въ Чудовомъ монастырѣ, среди подвиговъ милосердія. Преемникомъ Ѳеодосія былъ Филиппъ, современникъ покоренія Новгорода, посылавшій новгородцамъ укоризненныя грамоты по поводу заключеннаго ими союза съ королемъ польскимъ и убѣждавшій ихъ къ покорности Іоанну. Въ 1474 г. Филиппъ умеръ; мѣсто его занялъ 29 іюня Геронтій, епископъ коломенскій, и правилъ митрополіею 15 лѣтъ (по день смерти, 28 мая 1489 г.). Его отношенія къ великому князю отличались довольно значительною самостоятельностью. Такъ, когда возникъ споръ у митрополита съ архіепископомъ ростовскимъ Вассіаномъ изъ-за того, что митрополитъ согласился признать за Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ право перейдти изъ вѣдома ростовскаго владыки подъ вѣдѣніе удѣльнаго князя верейскаго Михаила Андреевича, Іоаннъ не безъ затрудненій добился, что митрополитъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, а въ другомъ столкновеніи великій князь долженъ былъ прямо уступать. Въ 1479 г., по случаю освященія Успенскаго собора, возникъ споръ, правильно ли поступилъ митрополитъ, ходившій во время освященія съ крестами около церкви противъ солнца, а не по солнечному движенію; споръ затянулся; прямыхъ указаній, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ, не находили; сторону митрополита приняло все духовенство, кромѣ архимандрита Чудовскаго, Геннадія и ростовскаго епископа Вассіана, и впослѣдствіи его преемника Іоасафа. Въ то время, пока Москва занята была послѣднимъ нашествіемъ Ахмата, митрополитъ молчалъ; но послѣ отраженія татаръ, онъ ставилъ митрополію и удалился въ Симоновъ монастырь; убѣжденія великаго князя Іоанна Іоанновича, ѣздившаго къ нему по порученію отца, не подѣйствовали; тогда Іоаннъ самъ отправился въ Симоновъ монастырь, просилъ у митрополита прощенія и только послѣ этого Геронтій вернулся на каѳедру. Преемникомъ Геронтію 22 сентября 1490 г. былъ избранъ Симоновскій архимандритъ Зосима; его управленіе было недолговременно. Склонность митрополита къ обнаружившейся въ Новгородѣ и перешедшей въ Москву ереси и не вполнѣ достойная его жизнь была причиною, что 17 мая 1494 г. Зосимѣ пришлось оставить митрополію; преемникомъ его былъ избранъ 6 сентября игуменъ Троицы Сергіева монастыря Симонъ (правилъ по 1511 г.). Въ правленіе Іоанна духовенство, а съ нимъ отчасти и свѣтская власть, была заняты вопросомъ о еретикахъ, о церковныхъ имуществахъ и о вдовыхъ священникахъ. Чтобы понять возникновеніе этихъ вопросовъ и оцѣнить ихъ значеніе, необходимо имѣть въ виду довольно печальное состояніе просвѣщенія въ средѣ тогдашняго

русскаго духовенства. Архіепископъ новгородскій Геннадій, въ посланіяхъ своихъ жаловался, что къ нему часто по выбору прихожанъ являются для посвященія на дьяконскія и даже на священническія мѣста люди совершенно не грамотные, и что они даже не желаютъ учиться грамотѣ и убѣгаютъ, когда архіепископъ приказываетъ ихъ обучить. Тотъ же Геннадій въ перепискѣ съ архіепископомъ ростовскимъ Іоасафомъ, спрашивалъ его, нѣтъ ли въ монастыряхъ его епархіи нѣкоторыхъ книгъ, которыми пользовались жидовствующіе и которые поэтому необходимы были Геннадію для борьбы съ ними, и въ томъ числѣ спрашиваетъ о такихъ книгахъ, какъ Бытія, Царствъ, Притчи, Іисусъ Навинъ и т. п. Извѣстно, что сравнительно съ XVI вѣка отъ XV вѣка до насъ дошло рукописей чрезвычайно мало: рукописей за все время до конца XV вѣка сохранилось менѣе, чѣмъ отъ одного XVI вѣка. Кромѣ недостаточной образованности массы духовенства среди его замѣчались еще и другія нежелательныя явленія; особенно распространенъ былъ обычай ставить въ священный санъ почти единственно за деньги; многіе священники къ явному соблазну мірянъ вели совершенно неприличный образъ жизни.

При такихъ условіяхъ довольно быстро распространилось въ тогдашнемъ обществѣ одно еретическое ученіе. Впервые оно обнаружилось въ Новгородѣ. Наши свѣдѣнія и въ данномъ случаѣ таковы же, какъ и въ другихъ подобныхъ: и мы принуждены почерпать свѣдѣнія объ ученіи еретиковъ и объ распространеніи ереси изъ ея обличеній и потому не можемъ сказать, чтобы то и другое было извѣстно намъ совершенно точно. Говорятъ, что ересь эту занесъ въ Новгородъ жидъ Схарія, бывшій въ концѣ 1470 или въ началѣ 1471 г. въ Новгородѣ въ свитѣ князя Михаила Олельковича, занимавшаго въ это время по приглашенію новгородцевъ новгородскій столъ. Еретики отрицали христіанскую религію почти во всей ея сущности, отрицали ученіе о Троицѣ, отрицали будущую жизнь, отрицали таинства; но до послѣдняго времени высказываются сомнѣнія, дѣйствительно ли въ ихъ ученіи было много спеціально еврейскаго. Долгое время ересь распространялась въ Новгородѣ тайно; архіепископъ Ѳеофилъ, занятый борьбою Новгорода съ Москвой, не обращалъ вниманія на волненія среди своей паствы, вызванныя догматическими вопросами; первый назначенный изъ Москвы архіепископъ Сергій встрѣтилъ такое единодушно недружелюбное отношеніе къ себѣ со стороны новгородцевъ, что его вліяніе на внутреннюю жизнь паствы неизбѣжно было совершенно ничтожнымъ. Кромѣ того, еретики и вообще отличались чрезвычайною осторожностью и ловкостью въ своихъ дѣйствіяхъ. Охотно соблюдая по внѣшности всѣ предписанія православной церкви и являясь за то тѣмъ болѣе смѣлыми отрицателями ея ученія предъ людьми, склонными ихъ слушать, еретики успѣшно распространяли свое лжеученіе и въ то же время два изъ главнѣйшихъ представителей ереси, священники Алексѣй и Діонисій, успѣли такъ понравиться Іоанну III, когда онъ пріѣзжалъ въ 1480 г. въ Новгородъ, что онъ перевелъ ихъ въ Москву и опредѣлилъ перваго протоіереемъ въ Успенскій соборъ, а второго — священникомъ въ Архангельскую церковь при своемъ дворѣ. Здѣсь представители новгородскаго лжеученія успѣли склонить къ своимъ мнѣніямъ очень многихъ: въ числѣ ихъ послѣдователей были архимандритъ Симонова монастыря Зосима, невѣстка великаго князя, вдова его сына Елена, и два брата дьяки Курицыны, одни изъ приближеннѣйшихъ къ великому князю дѣльцовъ; еретики оставались въ Москвѣ тѣмъ болѣе свободно, что въ это время общее вниманіе было отвлечено тѣмъ столкновеніемъ великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ 1484 г. Геннадій, только что назначенный архіепископомъ новгородскимъ, раскрылъ тамъ существованіе ереси. Онъ узналъ, что четыре священника, будучи въ нетрезвомъ состояніи, надругались надъ священными иконами. Виновные были привлечены къ отвѣту и изъ разслѣдованія обнаружилось, что они дѣйствовали такъ подъ вліяніемъ особаго ученія, котораго придерживались. Геннадій узналъ, что въ Новгородѣ довольно много ихъ единомышленниковъ. Четыре первые обвиненные убѣжали изъ Новгорода въ Москву. По донесенію Геннадія они были отосланы въ Новгородъ, съ предписаніемъ отъ митрополита и великаго князя, чтобы было произведено обстоятельное дознаніе о ереси. Послѣ разслѣдованія дѣла Геннадій тѣхъ изъ еретиковъ, которые сознали свои

заблужденія, подвергъ церковному покаянію и епитиміямъ, о нераскаянныхъ донесъ въ Москву, а ихъ самихъ передалъ для наказанія великокняжескимъ намѣстникамъ. Но изъ Москвы онъ теперь не получилъ никакого отвѣта; митрополитъ Геронтій лично былъ противъ него предубѣжденъ, а кромѣ того, въ это время возвратился въ Москву ѣздившій посломъ въ Венгрію дьякъ Курицынъ и, вѣроятно, задержалъ преслѣдованіе еретиковъ своимъ вліяніемъ. Вскорѣ митрополитъ Геронтій умеръ; болѣе полутора года преемникъ ему не былъ избранъ, и отсутствіе духовнаго главы, конечно, имѣло результатомъ, что ересь распространялась особенно успѣшно; великій князь смотрѣлъ на нее какъ то слишкомъ спокойно, а главный борецъ противъ нея, новгородскій архіепископъ Геннадій, былъ какъ бы въ нѣкоторой опалѣ, такъ что его не только не пригласили въ Москву на выборъ новаго митрополита, но Зосима, немедленно по своемъ избраніи, потребовали даже отъ Геннадія новаго «исповѣданія вѣры», которое Геннадій, по обычаю, уже представилъ при своемъ поставленіи. Посылая это исповѣданіе, Геннадій возобновилъ свои требованія, чтобы ересь не была оставлена безъ вниманія, и указалъ главныхъ покровителей ея въ Москвѣ. Въ то же время на борьбу съ еретиками выступилъ знаменитый своею святою жизнью, своими строгими правилами и горячею ревностью подвижникъ, игуменъ волоколамскаго монастыря Іосифъ, (Іосифъ Санинъ). Стараніями его и Геннадія было достигнуто, что 17 октября 1490 г. созванъ былъ въ Москвѣ по дѣлу о ереси соборъ; на немъ девять человѣкъ еретиковъ изъ духовныхъ были осуждены, прокляты, выданы Геннадію и подвергнуты имъ въ Новгородѣ публичному позорному наказанію.

Но ересь не была уничтожена. Горячія обличенія ея Іосифомъ, причемъ онъ смѣло нападалъ и на самого митрополита, заставилъ этого послѣдняго сложить съ себя санъ. Однако, вѣроятно, подъ вліяніемъ дьяка Курицына, въ новгородскій Юрьевъ монастырь былъ назначенъ архимандритомъ Кассіанъ, оказавшійся еретикомъ; когда это обнаружилось, Іосифъ лично явился къ великому князю и склонилъ его принять рѣшительныя мѣры противъ еретиковъ; великій князь такъ былъ убѣжденъ Іосифомъ, что просилъ у него прощенія за то, что такъ долго не обращалъ на ересь должнаго вниманія и далъ слово искоренить ересь; у него явилось было сомнѣніе, не грѣхъ ли подвергать за религіозныя убѣжденія строгимъ наказаніямъ, но Іосифъ успѣлъ разубѣдить его въ этомъ. Однако, когда Іосифъ удалился, рѣшительныя мѣры снова не были приняты, не смотря даже на то, что Іосифъ напоминалъ великому князю черезъ его духовника объ его обѣщаніи. Только тогда, когда совершенно измѣнились существовавшія въ семьѣ великаго князя отношенія, когда его внукъ Димитрій, объявленный уже наслѣдникомъ престола и его мать, Елена, вдова Іоанна Молодого, были удалены и подверглись опалѣ, когда подверглись опалѣ и многія другія вліятельныя лица, державшія партію Димитрія и Елены, а Елена, какъ извѣстно придерживалалась ереси, только тогда новый соборъ, созванный въ 1504 г., въ присутствіи Іоанна и сына его Василія, подъ вліяніемъ особенно Іосифа волоцкаго, игравшаго на соборѣ первенствующую роль, примѣнилъ къ еретикамъ крайнія мѣры: дьякъ Волкъ Курицынъ, архимандритъ Кассіанъ и многіе другіе были сожжены, частью въ Москвѣ (27 декабря), частью въ Новгородѣ; другіе были подвергнуты различнымъ другимъ наказаніямъ, многіе заточены подъ строгій присмотръ въ монастыри. Ереси былъ нанесенъ послѣдній ударъ и только уже слабые отголоски ея проявлялись въ правленіе сына Іоанна.

Соборъ 1504 г., осудившій еретиковъ, былъ продолженіемъ собора, созваннаго въ 1503 г., и обсуждавшаго сначала другіе вопросы церковнаго благоустройства. Прежде всего былъ установленъ возрастъ, недостигшихъ котораго запрещено было посвящать въ діаконы и въ священники, именно 25 лѣтъ для перваго и 30 лѣтъ для второго сана; затѣмъ повторены строгія запрещенія поставлять кого либо въ духовный санъ не по достоинству, а единственно за деньги. Къ сожалѣнію, это послѣднее постановленіе было тотчасъ же нарушено однимъ изъ выдающихся святителей того времени: Геннадій новгородскій, немедленно же по возвращеніи въ Новгородъ, оказался виновнымъ въ поставленіи за деньги, былъ лишенъ сана, заточенъ въ Чудовъ монастырь и тамъ скончался черезъ два съ половиной года. Тотъ же соборъ отстранилъ отъ богослуженія

всѣхъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, и только тѣмъ изъ нихъ, которые извѣстны были своею достойною жизнью, разрѣшилъ ношеніе епитрахилей и стихарей. Поводомъ къ такому рѣшенію послужили многочисленные, бросавшіеся въ глаза факты крайне распущенной жизни вдовыхъ священнослужителей. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать такое рѣшеніе несправедливымъ по отношенію къ тѣмъ изъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, жизнь которыхъ не представлялась безнравственною. Это соборное постановленіе вызвало замѣчательное посланіе къ собору вдоваго ростовскаго священника Георгія Скрипицы; оно не возымѣло дѣйствія и соборное постановленіе не было отмѣнено, но произведеніе Скрипицы остается памятникомъ въ высшей степени замѣчательнымъ по тому уваженію къ человѣческой личности, которымъ оно проникнуто, по искреннему убѣжденію, что несправедливо набрасывать тѣнь на людей, ни въ чемъ дурномъ не обличенныхъ.

Тому же собору довольно неожиданно пришлось обсуждать еще одно важное дѣло. Члены собора начали уже разъѣзжаться, когда поднялся вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Довольно значительная партія въ средѣ тогдашняго духовенства, со знаменитымъ строгостью жизни отшельникомъ Ниломъ сорскимъ (Майковымъ) во главѣ, утверждала, что монахамъ, какъ людямъ, отрекшимся отъ всего мірского, не прилично владѣть богатствами, и что имъ слѣдуетъ содержаться исключительно трудами рукъ своихъ. Іоаннъ III предложилъ собравшимся въ Москвѣ іерархамъ обсудить этотъ вопросъ; для участія въ этомъ обсужденіи уѣхавшіе, въ томъ числѣ и Іосифъ, вернулись. Іосифъ явился рѣшительнымъ противникомъ взгляда Нила сорскаго. Онъ утверждалъ, что имущества принадлежатъ не лично монахамъ, а всему монастырю и что владѣніе ими нисколько не нарушаетъ чистоты монашеской жизни; наиболѣе вѣскимъ аргументомъ въ доказательствахъ Іосифа являлось его указаніе, что монастыри должны и могутъ свои имущества употреблять на пользу бѣдныхъ и несчастныхъ, какъ, дѣйствительно, и поступалъ самъ Іосифъ, оказавшій огромныя услуги всей близкой къ его монастырю мѣстности въ голодный годъ; конечно, слабѣе было другое его доказательство, именно указаніе на то, что если принудить монаховъ жить трудами своихъ рукъ, то не станутъ постригаться люди изъ хорошихъ фамилій, а тогда некого будетъ дѣлать епископами и вслѣдствіе этого поколеблется вѣра: въ этомъ случаѣ самъ Іосифъ своею личностью опровергалъ свое утвержденіе. Послѣ преній митрополитъ Симонъ представилъ Іоанну, что духовенство не считаетъ себя въ правѣ отдать отъ монастырей и церквей то, что было имъ пожертвовано разными благочестивыми людьми. Іоаннъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; вопросъ этотъ, однако, не переставалъ волновать умы; при сынѣ Іоанна III онъ снова поднялся, и въ теченіи двухъ съ половиной вѣковъ, вплоть до царствованія Екатерины II, онъ занималъ и правительство и духовенство.

Изложивъ событія государствованія Іоанна, его внѣшнюю политику и внутреннюю дѣятельность, скажемъ теперь о его семейныхъ отношеніяхъ, и постараемся выяснить существенныя черты его личности и значеніе его дѣятельности.

Личность Іоанна; дѣла семейныя. — Іоаннъ былъ женатъ дважды. Отъ первой супруги своей, Маріи Борисовны тверской, онъ имѣлъ одного только сына, Іоанна Молодого (род. 15 февраля 1458 г., умеръ 7 марта 1490 г.); Марія умерла 22 апрѣля 1467 г.; 12 ноября 1472 г. Іоаннъ вступилъ во второй бракъ съ Софьей, (Зоей) Ѳоминишной Палеологъ, племянницей послѣдняго византійскаго императора. Отъ нея онъ имѣлъ сыновей Василія (род. 26 марта 1479 г., умеръ 3 декабря 1533 г.), Юрія (род. 23 марта 1480 г., умеръ въ 1536 г.), Димитрія (род. 6 октября 1481 г., умеръ въ 1521 г.), Симеона (род. 21 марта 1487 г., умеръ въ 1518 г.) и Андрея (род. 5 августа 1490 г., умеръ въ 1537 г.) и дочерей—Елену (род. 8 апрѣля 1484 г., умерла въ 1513 г.), Ѳеодосію (род. 29 мая 1485 г., умерла въ 1501 г.); и Евдокію (род. около 1492 г., умерла въ 1513 г.) кромѣ того, умерли въ младенчествѣ два первые ребенка Іоанна отъ Софьи, двѣ дочери, обѣ носившія имя Елены, и родившіяся одна въ 1474 г., другая въ 1475 г. Изъ дочерей старшая Елена была, съ 15 февраля 1495 г. въ замужествѣ за Александромъ Казиміровичемъ, княземъ литовскимъ, впослѣдствіи королемъ польскимъ; бракъ этотъ былъ устроенъ преимущественно изъ политическихъ видовъ и, какъ мы знаемъ, не имѣлъ значительныхъ

результатовъ; Өеодосія была въ 1500 г. выдана замужъ за князя Василія Даниловича Холмскаго, сына знаменитаго воеводы, Евдокія была выдана 25 января 1506 г. за крестившагося татарскаго царевича, принявшаго имя Петра. Старшій сынъ Іоанна Васильевича, Іоаннъ Молодой, уже съ 1471 г. называется въ нѣкоторыхъ грамотахъ великимъ княземъ рядомъ съ отцомъ; 6 января 1483 г. онъ женился на Еленѣ, дочери Стефана воеводы молдавскаго. Одинъ изъ иностранныхъ писателей сообщаетъ, будто-бы Іоаннъ никогда не любилъ своего старшаго сына за какія то дурныя черты въ его характерѣ; но мы ничего болѣе объ этомъ не знаемъ; русскіе источники говорятъ объ Іоаннѣ Молодомъ скорѣе съ симпатіей; впрочемъ, о сколько нибудь активной дѣятельности его мы узнаемъ только разъ, въ описаніи послѣдняго нашествія Ахмата. Іоаннъ Молодой умеръ 7 марта 1490 г., оставивъ сына Димитрія (род. 10 октября 1483 г.). При дворѣ, очевидно, образовались двѣ партіи, расходившіяся по вопросу о томъ, кто долженъ быть преемникомъ Іоанна Васильевича на престолѣ: внукъ ли его отъ покойнаго старшаго сына, или второй сынъ, Василій, сынъ Софьи Өоминишны. Мы не знаемъ подробностей о борьбѣ этихъ партій. Но существованіе ихъ съ ясностью обозначилось въ 1497 г.: Іоанну донесено было, что нѣкоторые дьяки и дѣти боярскіе, Өедоръ Стромиловъ, Владиміръ Гусевъ, кн. Иванъ Палецкій, Аөанасій Яропкинъ и др., подговариваютъ Василія подняться противъ великаго князя и погубить Димитрія, сына Іоанна Молодого, обнадеживая, что можно захватить казну и найдти поддержку на Вологдѣ и Бѣлоозерѣ; донесено было вмѣстѣ съ тѣмъ, что Софья Өоминишна пользуется совѣтами какихъ то ворожей, чтобы привлечь къ себѣ особенное расположеніе великаго князя. Обвиненные въ такихъ замыслахъ служилые люди были казнены 27 декабря 1497 г., бабы ворожеи утоплены въ Москвѣ рѣкѣ; Василія великій князь заключилъ подъ стражу и удалилъ отъ себя Софію, сталъ жить, по выраженію лѣтописей, «въ береженьи» отъ жены. 4 февраля 1498 г. онъ вѣнчалъ внука своего Димитрія въ Успенскомъ соборѣ на великое княженіе шапкою и бармами Мономаха; это было первое торжественное вѣнчаніе на царство въ семьѣ московскихъ князей; за богослуженіемъ великій князь и митрополитъ Симонъ говорили нововѣнчанному привѣтствія. Но, вѣроятно, доносъ на Василія и Софью былъ неоснователенъ: въ началѣ 1499 г. были схвачены важнѣйшіе вельможи двора Іоаннова, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, два его сына, Василій и Иванъ, и зять князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Великій князь «испыталъ ихъ вины» и хотѣлъ ихъ всѣхъ казнить, но по просьбѣ духовенства освободилъ отъ казни Патрикѣевыхъ, причемъ только младшій оставленъ былъ подъ стражею въ Москвѣ, а отецъ и старшій братъ были пострижены въ монахи, первый Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, а второй въ Кирилло-бѣлозерскомъ; князь же Ряполовскій былъ казненъ 5 февраля 1498 г. Связь этого дѣла съ борьбою партій сына и внука Іаннова несомнѣнна по тому, что непосредственно послѣ этого Іоаннъ удалилъ отъ себя Димитрія и мать его Елену Стефановну, и наоборотъ, приблизилъ къ себѣ опять Софью, и Василія объявилъ великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Псковичи попробовали было почему то выразить недовольство на это распоряженіе, попросивъ Іоанна черезъ посольство, чтобы во Псковѣ былъ тотъ же великій князь, какъ и въ Москвѣ; Іоаннъ гнѣвно отвѣтилъ, что онъ воленъ въ своихъ дѣтяхъ, кому хочетъ, тому и даетъ княженіе. 11 апрѣля 1502 г. Іоаннъ запретилъ поминать Димитрія на ектеніяхъ, отдалъ его и Елену подъ стражу, а 14 апрѣля вѣнчалъ Василія, или по выраженію лѣтописи, «благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ». 4 сентября 1505 г. Іоаннъ женилъ Василія на Соломоніи Юрьевнѣ Сабуровой. Черезъ полтора мѣсяца послѣ этого, 27 октября 1505 г., Іоаннъ III Васильевичъ скончался, переживъ свою вторую супругу, Софью Өоминишну, всего на два съ половиною года (умерла 7 апрѣля 1503 г.).

Въ эти послѣдніе годы жизни Іоанна, въ эпоху борьбы между партіей Василія и партіей Димитрія, безъ сомнѣнія, нельзя не признать значительнаго вліянія Софьи Өоминишны; конечно, она хотѣла доставить престолъ сыну и вмѣстѣ съ тѣмъ, по нѣкоторымъ деталямъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ этой борьбѣ, можно догадываться, что борьба велась до извѣстной степени такими средствами, которыя всегда

особенно сильны въ рукахъ женщинъ. Но вообще, намъ кажется, не совсѣмъ правильнымъ общераспространенное воззрѣніе, будто бы вліяніе Софьи на Іоанна было очень сильно. Мы, правда, слышимъ объ этомъ почти отъ современниковъ Іоанна; но приписывать то или другое слѣдствіе одному опредѣленному лицу—пріемъ слишкомъ часто примѣнявшійся прежними людьми, чтобы такое показаніе ихъ было для насъ особенно убѣдительно безъ какихъ нибудь неопровержимыхъ фактическихъ доказательствъ. Софья же была послѣ долгаго времени первою супругою русскаго великаго князя изъ такого знаменитаго рода; при ея мужѣ совершились значительныя событія—и въ глазахъ современниковъ не было никакого сомнѣнія, что именно бракъ съ византійской принцессой и были причиной этихъ перемѣнъ, хотя мы можемъ видѣть причины ихъ совершенно въ другомъ. Современники говорятъ намъ, что Іоаннъ сталъ удаляться отъ бояръ со времени брака съ Софьей; но просто бракъ этотъ совпалъ по времени съ такимъ усиленіемъ московскаго великаго князя, даже больше—явился именно вслѣдствіе такого усиленія его власти—что отношенія его къ своимъ боярамъ, къ тому же,—чрезвычайно увеличившимся въ числѣ, —неизбѣжно должны были измѣниться; намъ представляется, что Іоаннъ чувствовалъ свое положеніе настолько высокимъ, что ему казалось совершенно необходимымъ, чтобы и супруга его была изъ рода особенно знатнаго. Говорятъ далѣе, что Софья Ѳоминишна побудила мужа къ рѣшительнымъ поступкамъ относительно татаръ, повторяя ему, что она не за тѣмъ шла за него замужъ, чтобы быть данницей хана и что ея отецъ оставилъ родину, но не сталъ подданнымъ султана. Намъ кажется довольно сомнительнымъ, чтобы могли являться подобныя внушенія; положеніе Софьи до брака было далеко не такъ почетно и блестяще, чтобы, ставъ супругой Іоанна, она могла ему выражать неудовольствіе на свое положеніе; кромѣ того, всегда могъ явиться вопросъ — не предстоялъ ли выборъ ея отцу между смертью и бѣгствомъ, а не между бѣгствомъ и подданствомъ султану; къ тому же одинъ изъ братьевъ ея, какъ извѣстно, и жилъ потомъ въ Турціи, принявъ мусульманство и отдавъ дочь свою въ султанскій гаремъ. Но самое главное, это то, что сверженіе ига вовсе не явилось внезапнымъ; уже задолго до Софьи князья московскіе лелеяли мысли сбросить съ себя это позорное подданство дикой ордѣ и часто выражали такую надежду въ своихъ завѣщаніяхъ; самое сверженіе ига произошло безъ малѣйшаго участія Софьи, она отправлена была Іоанномъ далеко на сѣверъ, когда подступили полчища Ахмата. Еслибъ даже Іоаннъ и не женился на Софьѣ Палеологъ, то всетаки трудно себѣ представить, чтобы онъ, покоритель Новгорода, почти полновластный господинъ всей русской земли, кромѣ Твери и Рязани, Іоаннъ, распоряжающійся самовластно въ Казани, вліятельный въ Крыму—чтобы онъ оставался данникомъ довольно слабой уже Золотой орды! Наконецъ, по всему складу семейной древне - русской жизни очень трудно допустить, чтобы вліяніе Софьи было велико внѣ сферы вопросовъ этикета, устройства домашней жизни и обстановки великаго князя; но въ этой сферѣ, конечно, къ ней обращались за совѣтами какъ къ знавшей порядки и обычаи и византійскаго, да отчасти и другихъ дворовъ.

О внѣшности, обычномъ образѣ жизни и личномъ характерѣ Іоанна мы имѣемъ очень мало прямыхъ свидѣтельствъ. Контарини, путешественникъ венеціанскій, видѣвшій Іоанна въ 1476 г., говоритъ, что Іоаннъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, имѣлъ величавую осанку и красивую наружность; Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ въ 1517 г. разсказываетъ со словъ людей, помнившихъ Іоанна, что онъ имѣлъ такой грозный взглядъ, что отъ него женщины падали въ обморокъ, и что вообще всѣ кругомъ его трепетали. Герберштейну говорили, что самъ Іоаннъ рѣдко выступалъ изъ Москвы; по извѣстіямъ Контарини, напротивъ, онъ объѣзжалъ свои владѣнія каждый годъ; видимое противорѣчіе совершенно просто объясняется: Герберштейнъ передаетъ намъ о послѣднихъ годахъ жизни Іоанна, Контарини—о первой половинѣ его правленія; съ несомнѣнностью извѣстно, что Іоаннъ лично совершилъ множество походовъ; по лѣтописямъ видно также, что онъ принималъ обыкновенно дѣятельное участіе въ тушеніи всякаго большого пожара въ Москвѣ. Не имѣя обстоятельныхъ свидѣтельствъ о личномъ характерѣ Іоанна, прибѣгаютъ иногда къ толкованіямъ и объясненіямъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ и въ сущности недостаточныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, довольно часто повторяется обви-

неніе Іоанна въ крайней скупости или по меньшей мѣрѣ—въ излишней экономіи и въ доказательство приводятся слова грамоты, данной однимъ посламъ для свободнаго проѣзда, въ которой сдѣлано распоряженіе, что послы будутъ получать на станціяхъ для приготовленія себѣ пищи барана, но шкуру его должны отдавать назадъ, а не имѣютъ права оставлять себѣ; но едва ли можно сомнѣваться, что это распоряженіе есть распоряженіе соотвѣтственнаго Приказа и оно поэтому не можетъ быть почитаемо за такое, которое бы отражало въ себѣ личныя характерныя черты великаго князя. Равнымъ образомъ и распоряніе Іоанна, чтобы посолъ его Толбузинъ взялъ съ Венеціанской республики 700 руб. за все, что далъ великой князь Тревизану, хотя дано было этому послѣднему всего на 70 руб., быть можетъ надо разсматривать, какъ своего рода наказаніе за поступокъ Тревизана, вызвавшій неудовольствіе князя. По недостатку свидѣтельствъ мы должны отказаться отъ стремленія очертить личность Іоанна Васильевича достаточно опредѣленными штрихами относительно всѣхъ чертъ его ума и характера. Наиболѣе вѣрные выводы, хотя за то лишь въ главныхъ чертахъ, мы получимъ, разсматривая его дѣятельность. Въ дѣлахъ же своихъ онъ является предъ нами человѣкомъ обширныхъ дарованій, чрезвычайно дѣятельнымъ умственно, человѣкомъ осторожнымъ въ своихъ начинаніяхъ, приступающимъ къ дѣлу лишь тогда, когда подготовлено все, что нужно для того, чтобы провести начатое дѣло до конца. Такими чертами отмѣчена вся дѣятельность Іоанна.

Уничтожая раздробленность Русской земли, соединяя ее въ одно государственное тѣло, Іоаннъ, однако, не рѣшился пойдти противъ стариннаго обычая настолько круто, чтобы лишить своихъ младшихъ сыновей самостоятельныхъ владѣній; вѣроятно, ему и самому еще не представлялось возможнымъ быть княземъ безъ удѣла. Умирая, онъ раздѣлилъ свои владѣнія между всѣми пятью сыновьями. Старшаго сына Василія онъ благословилъ великимъ княженіемъ, далъ ему княжество московское, затѣмъ Новгородъ, Тверь, Владиміръ, Нижній-Новгородъ съ ихъ областями, ему же подчинилъ Псковъ, всего завѣщалъ ему 66 городовъ; всѣмъ остальнымъ — менѣе 30. Кромѣ обычныхъ уже въ междукняжескихъ отношеніяхъ условій, чтобы младшіе князья соединяли свои войска съ войсками старшаго по его требованію, чтобы сношеніями съ Ордой завѣдывалъ старшій князь, и чтобы младшіе вообще слушались и почитали его — «держали бы его имя честно и грозно»,—въ духовной грамотѣ Іоанна даны и другія преимущества великому князю. Такъ, доходы съ самого города Москвы назначены почти цѣликомъ ему: судныя пошлины распредѣлены были такъ, что двѣ трети доходовъ получалъ великій князь, а остальная часть дѣлилась поровну между всѣми братьями, включая и его; таможенныя же и другія торговыя пошлины цѣликомъ были отданы Василію и онъ только платилъ за это каждому брату ежегодно по сту рублей. Младшіе братья не имѣли права чеканить свою монету; чеканилъ ее только великій князь въ Москвѣ и въ Твери. Наконецъ прямо постановлено, что если какой изъ младшихъ братьевъ умретъ, не оставивъ мужского потомства, то удѣлъ его переходитъ къ одному великому князю и младшіе братья въ это дѣло не должны «вступаться»; если останутся дочери, то великій князь получаетъ удѣлъ ихъ отца и только обязанъ выдать ихъ замужъ и надѣлить приданымъ. Іоаннъ опредѣлилъ, сколько каждый его сынъ долженъ былъ платить въ тысячу рублей суммы, какая будетъ употреблена на ордынскій выходъ и на содержаніе разныхъ служилыхъ татарскихъ царевичей; на долю старшаго приходилось 717 руб. остальное дѣлилось между другими четырьмя братьями. Замѣтимъ здѣсь, что эти данныя говорятъ намъ, несомнѣнно, о процентномъ отношеніи взносовъ того или другого князя въ сумму, назначенную на поддержаніе татарскихъ отношеній, и что никакъ не должно думать, будто-бы именно 1000 рублей въ годъ и назначалось на это; такой способъ разсчетовъ былъ обычнымъ для того времени, когда не умѣли еще части выражать процентами, и кромѣ того, эта самая тысяча рублей упоминается и во многихъ прежнихъ грамотахъ, между тѣмъ какъ совершенно невозможно допустить, чтобы въ разныя эпохи и при разныхъ обстоятельствахъ размѣръ дани не мѣнялся.

Общая оцѣнка дѣятельности Іоанна.—Такова была дѣятельность Іоанна Васильевича III. Нельзя не видѣть, что достигнутые имъ результаты были громадной важности. Объединеніе Руси, очевидно, необходимое для того, чтобы рус-

скій народъ могъ проявить всѣ свои духовныя силы, было подвинуто Іоанномъ впередъ весьма значительно. Онъ не только соединилъ съ Московскимъ княжествомъ такія обширныя, богатыя и важныя области, какъ Новгородъ и Тверь, онъ вернулъ и множество областей, съ населеніемъ русскимъ, съ исповѣданіемъ православнымъ, но силою обстоятельствъ оторвавшихся отъ общерусской жизни и соединившихся съ государствомъ Польско-литовскимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшняя безопасность Русскаго государства замѣтно утвердилась: татары, столь ужасные въ предшествовавшіе вѣка русской исторіи, при Іоаннѣ III были окончательно отражены отъ Россіи; съ его времени они уже только безпокойные сосѣди и неопасны для русскаго народа; внукъ Іоанна III началъ уже подчиненіе татарскихъ царствъ Россіи; Іоаннъ III не могъ еще на это отважиться, но онъ именно ослабилъ татаръ и притомъ—силами татаръ же; силами крымскаго хана онъ постоянно пользовался на усиленіе Москвы. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Іоаннъ проявлялъ не просто жадность къ завоеваніямъ, онъ даже не стремился только къ увеличенію своихъ силъ, какъ къ средству избавляться отъ разныхъ, могущихъ встрѣтиться, опасностей—онъ руководился настоящими государственными идеями, которыя и высказалъ не разъ совершенно ясно въ сношеніяхъ съ Александромъ литовскимъ, заявивъ, что онъ считаетъ русскими всѣ тѣ земли, которыя населены русскимъ населеніемъ, гдѣ русская рѣчь и православная вѣра. Іоаннъ ясно понималъ уже, что великій народъ долженъ составить одно государство; и знаменемъ объединенія онъ поставилъ не экономическія выгоды этого государства, не свою личную славу, какъ государя—онъ освѣтилъ это стремленіе идеей, той именно идеей, которая была наиболѣе способна привлечь симпатіи всѣхъ его подданныхъ, которая и въ предшествовавшіе вѣка и впослѣдствіи являлась однимъ изъ наиболѣе могучихъ двигателей въ исторіи русскаго народа: знаменемъ объединенія Руси Іоаннъ поставилъ православную вѣру. Наконецъ, Іоаннъ впервые послѣ длиннаго ряда вѣковъ возстановилъ сношенія съ западноевропейскими государствами, которыя значительно опередили въ умственномъ развитіи Русь, занятую почти исключительно тяжелыми татарскими отношеніями; онъ первый вступилъ на тотъ путь, которымъ шелъ и Грозный, и царь Алексѣй, и по которому, наконецъ, Петръ Великій вывелъ Россію на подобающее ей мѣсто среди всѣхъ другихъ государствъ. Іоаннъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ неоспоримо широту взгляда: твердо охраняя православіе, заботясь о единствѣ русскаго народа, Іоаннъ видѣлъ необходимость для Россіи ознакомиться съ результатами умственныхъ успѣховъ западноевропейскихъ народовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ полную возможность въ сношеніяхъ съ западными государствами охранять и самостоятельность, и достоинство русскихъ людей. Оспаривать громадной важности достигнутыхъ Іоанномъ III результатовъ, очевидно, нельзя; но можно, однако, разно смотрѣть на его личную роль въ ихъ достиженіи, можно разнымъ образомъ оцѣнивать Іоанна, какъ политическаго дѣятеля.

Карамзинъ, исчисливъ вкратцѣ дѣла Іоанновы, говоритъ, что «Россія нынѣшняя есть созданіе Іоанна», «такъ какъ Россія Олега, Владиміра и Ярослава погибла въ нашествіе монголовъ»; «Іоаннъ стоитъ,—по словамъ Карамзина,—какъ государь, на высшей степени величія; онъ оставилъ государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія»; дѣла Іоанна Карамзинъ ставитъ выше подвиговъ Александра Македонскаго; «государствованіе Іоанна III—говоритъ онъ—есть рѣдкое богатство для исторіи; по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ». Такимъ образомъ, Карамзинъ отнесся къ Іоанну съ восторгомъ, если не съ благоговѣніемъ; и нельзя не сказать, что это довольно понятно у перваго работника по русской исторіи, который, можно сказать, открылъ Іоанна, познакомился съ его дѣятельностью, почти не имѣя представленія, что его ожидаетъ подобное зрѣлище. Соловьевъ отнесся къ Іоанну значительно спокойнѣе. Вѣрный своему основному принципу—«не дробить, не дѣлить исторію на періоды, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ»—онъ считаетъ Іоанна III преимущественно «счастливымъ потомкомъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ», который дѣлалъ только то, къ чему уже давно шли историческія событія, и

признаетъ только, что Іоанну принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. Строже всѣхъ отнесся къ Іоанну III Костомаровъ, который окончилъ очеркъ дѣятельности этого государя такими словами: «Истинно великіе люди познаются тѣмъ, что опережаютъ свое общество и ведутъ его за собою; созданное ими имѣетъ прочные задатки не только внѣшней крѣпости, но и духовнаго саморазвитія. Иванъ въ области умственныхъ потребностей ничѣмъ не сталъ выше своей среды. Онъ создалъ государство, но безъ задатковъ самоулучшенія, безъ способовъ и твердаго стремленія къ прочному народному благосостоянію простояло оно два вѣка, вѣрное образцу, созданному Иваномъ, хотя и дополняемое новыми формами въ томъ же духѣ, но застылое и закаменѣлое въ своихъ главныхъ основаніяхъ, представлявшихъ смѣсь азіатскаго деспотизма съ византійскими, выжившими свое время, преданіями. И ничего не могло произвести оно, пока могучій умъ Петра не началъ пересоздавать его на иныхъ культурныхъ началахъ». Не можемъ не согласиться съ замѣчаніемъ К. Н. Бестужева Рюмина, что изложеніе и характеристика дѣятельности Іоанна III у Костомарова—«прекрасная обвинительная рѣчь, но не сужденіе историка»; укажемъ еще, что въ характеристикѣ, данной Костомаровымъ, заключается, повидимому, противорѣчіе: если созданное Іоанномъ III простояло два вѣка и удовлетворяло черезъ 200 лѣтъ требованіямъ общества, то, несомнѣнно, что хотя отчасти, но онъ стоялъ впереди своего времени и, слѣд., имѣлъ хотя нѣкоторыя черты истинно великаго человѣка. Изъ современныхъ историковъ К. Н. Бестужевъ Рюминъ и Д. И. Иловайскій возвратились довольно близко ко взгляду Карамзина и, признавая, что дѣло Іоанна было въ значительной степени подготовлено его предшественниками, въ то же время признаютъ за нимъ и всѣ права быть причисленнымъ къ числу великихъ людей.

И дѣйствительно, если мы и не должны, пожалуй, представлять себѣ дѣятельность Іоанна въ такихъ величавыхъ, такъ сказать героическихъ чертахъ, какими рисуетъ ее Карамзинъ, если нельзя предполагать у него вполнѣ яснаго сознанія величія, прочности и важности для будущаго творимыхъ имъ дѣлъ, то нельзя также не признать въ Іоаннѣ того истиннаго и высокаго ума, который создаетъ нѣчто такое, что цѣнно и дорого потомъ людямъ въ теченіе вѣковъ. Если Іоаннъ, быть можетъ, и не сознавалъ ясно, что съ такимъ усердіемъ возстановляя единство русскаго народа, онъ становится на тотъ путь, работа на которомъ будетъ занимать его потомковъ еще 300 лѣтъ, то это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ оцѣнки его генія, который, такъ сказать, инстинктивно находилъ задачи, поистинѣ достойныя быть руководящими идеями истиннаго государственнаго человѣка. Намъ кажется несомнѣннымъ, что Іоаннъ имѣлъ такія идеи; но мало этого, онъ проявилъ совершенно исключительныя дарованія и въ осуществленіи ихъ. Въ теченіе всей своей дѣятельности онъ не испыталъ ни одной крупной неудачи; но нельзя сказать, чтобы успѣхами своими онъ былъ обязанъ исключительно счастью или благопріятнымъ обстоятельствамъ; всякій успѣхъ доставался Іоанну съ бою, и объясняется несомнѣнно тѣмъ, что Іоаннъ приступалъ къ рѣшенію всякаго важнаго, серьезнаго вопроса съ осторожностью, съ внимательною и глубокою умственною работою; конечно, именно благодаря такой работѣ, онъ, дѣйствительно, всегда господствовалъ надъ обстоятельствами; у него не было недостатка въ противникахъ и, не рѣдко — въ противникахъ, не уступавшихъ ему въ отношеніи силъ матеріальныхъ; но онъ очевидно далеко превосходилъ ихъ всѣхъ и своею умственною силою и своею умственною работою. Создавая великое дѣло, Іоаннъ, конечно, былъ очень остороженъ и опасался какимъ либо неблагоразумнымъ шагомъ нанести этому великому дѣлу ущербъ; но онъ никогда не доходилъ въ своей осторожности до того, чтобы изъ за нея упустить какой нибудь существенный успѣхъ. Несомнѣнно, конечно, что Іоаннъ не своими единоличными силами достигъ всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые дало его правленіе; на его сторонѣ, очевидно, стояло все тогдашнее населеніе, весь русскій народъ; мы видѣли, что митрополиты поддерживали Іоанна въ его распряхъ съ Новгородомъ; всѣ бояре его стояли дружно, послушно и убѣжденно за всякое дѣло своего великаго князя; по очень подробнымъ записямъ дипломатическихъ сноше-

ній съ Польско-литовскимъ государствомъ мы видимъ, какъ были проникнуты московскіе бояре тѣми же идеями, какія имѣлъ и Іоаннъ, и какъ настойчиво, съ какимъ достоинствомъ, и какъ умѣло поддерживали они его требованія; сочувствіе всей народной массы дѣлу объединенія не можетъ быть подвергаемо сомнѣнію; переходы въ Московское княжество изъ Тверского, легкость и прочность соединенія съ центромъ «страны князей»—ясно доказываютъ это. Но нельзя не признавать, что безусловно возвышался надъ всѣми окружающими, надъ всѣми своими помощниками самъ Іоаннъ: тѣ же бояре, съ которыми началъ онъ правленіе, дѣйствовали еще и при его отцѣ, тѣ же бояре, съ которыми онъ правилъ послѣдніе 10—15 л.; перешли и къ его сыну; но самый бѣглый взглядъ на ходъ дѣлъ при Іоаннѣ и при его предшественникѣ и при его преемникѣ показываетъ съ несомнѣнностью, что въ то время, какъ дѣлами руководилъ Іоаннъ, въ Москвѣ присутствовала такая умственная и нравственная сила, которой не было ни до него, ни послѣ. Особенныя свойства тѣхъ источниковъ, которые только и находятся въ нашемъ распоряженіи относительно тѣхъ эпохъ, мѣшаютъ намъ видѣть всю ту умственную работу, какую употреблялъ Іоаннъ для подготовки и исполненія своихъ великихъ плановъ; но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ раскрываетъ предъ нами эту умственную работу—а онъ обнаруживаетъ ее съ несомнѣнностью въ сношеніяхъ съ Литвою—то мы должны и въ другихъ случаяхъ, гдѣ Іоаннъ съ неменьшимъ успѣхомъ выходилъ изъ обстоятельствъ не менѣе трудныхъ, предполагать въ немъ такую же умственную работу.—Окидывая взглядомъ всю дѣятельность Іоанна III, мы смѣло говоримъ, что онъ долженъ быть причисленъ къ замѣчательнѣйшимъ государямъ не только XV ст., но и всѣхъ временъ. Іоаннъ III есть истинный основатель русскаго государства и представляетъ собою одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей, которыхъ русскій народъ долженъ всегда вспоминать съ благодарностью, которыми по справедливости онъ можетъ гордиться.

Важнѣйшіе источники и пособія.

Наиболѣе обстоятельный разсказъ о событіяхъ княженія Іоанна III — «Полн. собр. рус. лѣт.», VIII, 150—245 (Воскресенская лѣтопись), V, 273—275 и VI, 1—50 (Софійская; то же въ «Софійскомъ Временникѣ», II, 89—275); подробности отношеній псковскихъ—«Полн. собр. рус. лѣт.», V, 222—281 (псковская первая), новгородскихъ—III, 142—147 (новгородская вторая); см. еще «Полн. собр. рус. лѣтоп.», II, 357—364, III, 241—243, IV, 132—136, V, 34—46, XVI, 208—224; «Степенная книга», II, 98—235; «Лѣтописецъ Типографскій» (М. 1784), 259—345; «Лѣтопись по Никонову списку», ч. VI, 1—173; «Лѣтописецъ русскій» (Львовская лѣтопись, М. 1792), II, 358—367, III, 1—284; «Русскій временникъ», II, 1—246; «Лѣтописецъ Архангелогородскій» (М. 1819), 163—211; «Лѣтопись Великоустюжская» (М. 1889), 35—45. Важнѣйшіе акты въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Собр. государ. грам. и догов.», I, №№ 88—144, II, №№ 18—25; «Акты Археограф. Экспед.», I, №№ 71-140, 376—384; «Акты Историч.», I, №№ 73—115, 277—288 (№ 105 заключ. Судебникъ 1497 г.); «Дополненія къ Акт. Истор.», I, №№ 14—22, 187—214; «Акты Юридическіе», №№ 1—11, 31, 62, 73—76, 101, 111, 140—145, 233, 234, 387, 388, 410—413; «Акты относящ. до юрид. быта», I—см. стр. 744—748; II—см. стр. 841—843; «Акты Запад. Россіи», I, №№ 66—220; «Акты Ѳедотова-Чеховскаго», I, №№ 6—14, 18—20, 29, 30, 54; «Сборникъ Муханова», №№ 10—86, 124, «Сборникъ кн. Хилкова», № 106; «Древняя Росс. Вивліоѳика», т. т. II, III, XIII, XIV, XIX, XX; «Лѣтоп. занят. Археограф. комм.», III, прил. 1—17, «Памятн. диплом. снош.», 1—173; «Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ.», XXXV, 4—499; «Сборникъ Моcков. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ», V; Важнѣйшія сочиненія, касающіяся времени Іоанна III: Карамзинъ, «Исторія Госуд. Росс.», т. VI; Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. V, ч. I; Бестужевъ-Рюминъ, «Русская Исторія», II, 143—172; Иловайскій, «Исторія Россіи», II, 435—528; Костомаровъ, «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», I, 255—317; Ключевскій, «Боярская дума древней Руси»; Экземплярскій, «Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси», I, 189—277; Карповъ, «Исторія борьбы Московск. государства съ Польско-литовскимъ»; Костомаровъ, «Сѣверно-русскія народоправства»; Никитскій, «Очеркъ внутренней исторіи Пскова», «Экономическій бытъ Великаго Новгорода», «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ»; Бѣляевъ, «Разсказы изъ Русской исторіи», II, III; Неволинъ, «О пятинахъ и погостахъ»; Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества»; Борзаковскій, «Исторія Тверского княжества»; Вельяминовъ - Зерновъ, «Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», I; Перетятковичъ «Поволжье въ XV и XVI в. в.», Вешняковъ, «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества»; Дьяконовъ, «Власть московскихъ государей»; Успенскій, «Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ»; Пирлингъ, «Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ»; Бѣловъ, «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства»; Бережковъ, «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в.»; Макарій, «Исторія русской церкви», т. т. VI, VII, VIII; Павловъ, «Историч. очеркъ секуляризаціи церков. земель въ Россіи»; Хрущовъ, «Изслѣдов. о сочиненіяхъ Іосифа, препод. волоколамскаго; Бѣляевъ, «Лекціи по исторіи русскаго права»; Сергѣевичъ, «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права», «Русскія юридич. древности», I, II; Владимірскій-Будановъ, «Обзоръ исторіи русск. права», I, II; Дмитріевъ, «Исторія судебныхъ инстанцій»; Лихачевъ, «Разрядные дьяки XVI в.» и др.

2007050611